ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

РУКА ОБ РУКУ ИЛИ ПОРОЗНЬ? ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИАСПОРОЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Препринт WP1/2010/01
Серия WP1
Институциональные проблемы
российской экономики

Москва
Государственный университет – Высшая школа экономики
2010

УДК 378.014.24
ББК 74.58
Р84

Редактор серии WP1
«Институциональные проблемы
российской экономики»
А.А. Яковлев

Р 84 **Рука об руку или порознь? Возможности сотрудничества с российской академической диаспорой в сфере социально-экономических наук** / Д. Попов, С. Творогова, И. Федюкин, И. Фрумин: Препринт WP1/2010/01. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. — 68 с.

Покинувшие свое отечество талантливые ученые стали ключевым ресурсом для трансформации высшего образования и инновационных сфер в целом ряде стран, таких как Китай, Тайвань и Индия. Вместе с тем на данный момент ощущается нехватка систематической информации о российской академической диаспоре в области социальных и экономических наук, менеджмента и бизнеса. Для того чтобы заполнить этот информационный пробел, Государственный университет – Высшая школа экономики и Российская экономическая школа совместно с Всемирным банком провели исследование российской академической диаспоры в сфере социально-экономических наук. Исследование преследовало две основные цели: 1) определение путей для налаживания сотрудничества между российскими и зарубежными академическими сообществами; 2) создание базы контактов исследователей и профессионалов из числа представителей российской диаспоры, потенциально заинтересованных в таком сотрудничестве.

Ключевые слова: научная диаспора, международное сотрудничество, академическая среда

УДК 378.014.24
ББК 74.58

Leveraging Russia' talent abroad in Social Sciences: Evidence from a Survey? Possibilities of cooperation with Russian academic diaspora in social, economic and business disciplines / I. Fedyukin, I. Froumin, D. Popov, S. Tvorogova: Working Paper WP1/2010/01. – Moscow: State University – Higher School of Economics, 2010. – 68 p. (in Russian)

Country's science and humanities talent abroad (hereafter referred as the diaspora) proved to be a crucial resource for transformation of higher education and innovation systems at home in countries such as China, Taiwan and India. However, little systematic information exist on Russia's diaspora in social, economic and business disciplines. To fill this information gap, the Higher School of Economics and the New Economic School together with the World Bank conducted the study of the Russian academic diaspora, specifically those working in the social sciences. The research has two main goals: 1) identifying ways to strengthen cooperation between international and Russian academic communities, 2) creating a contact database of those academics and professionals who might be interested in such cooperation. The main results of the research are proposed in this paper.

Keywords: academic diaspora, international cooperation, academic milieu

Препринты Государственного университета – Высшей школы экономики размещаются по адресу: http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx

© Попов Д., 2010
© Творогова С., 2010
© Федюкин И., 2010
© Фрумин И., 2010
© Оформление. Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010

Российские университеты, ставящие перед собой задачу стать не только учебными, но и научными центрами, заинтересованы в расширении своей включенности в мировое исследовательское пространство. Одним из возможных направлений решения данной задачи является установление контактов с представителями российской научной диаспоры. Само словосочетание кажется очень понятным и знакомым, вместе с тем реальных данных об этом явлении практически нет. Способна ли российская академическая диаспора в области социально-экономических наук стать заметным ресурсом для развития высшего образования и науки в России? Что представляет собой диаспора, в каком состоянии она находится, готова ли к сотрудничеству, а если готова, то в каких формах, каковы ее ожидания в этом отношении?

Предлагаемый текст представляет результаты исследовательского проекта, реализованного совместно Государственным университетом – Высшей школой экономики (далее ГУ ВШЭ) и Российской экономической школой при поддержке Всемирного банка, и направленного на изучение российской (в широком смысле этого слова, т.е. распространяемой и на выходцев из бывшего СССР, если они принимают подобное определение) академической диаспоры в социально-экономических науках. В первой части представлен анализ зарубежного опыта привлечения представителей диаспоры к работе в исследовательской и инновационной сферах разных стран, в двух последующих частях проанализированы эмпирические данные, собранные в ходе проекта.

Понять явление в условиях дефицита информации о нем – непростая задача, именно поэтому исследование было организовано по двум направлениям, результаты которых представлены в двух последующих частях текста. Для одного главной задачей было понять мотивы и устремления работающих за рубежом россиян, обсудить с ними саму идею потенциального сотрудничества и определить готовность к нему. В этом случае основным источником сбора информации являлись экспертные интервью, т.е. относительно слабо структурированная беседа, основной результат – общая картина настрое-

ний и мнений изучаемой категории, отдельные предложения по возможностям организации сотрудничества.

Второй компонент исследования был ориентирован на получение количественных данных. В условиях размытой генеральной совокупности подобную задачу в чистом виде решить невозможно (нельзя построить выборку), но приблизительную картину, некие более четкие ориентиры, обратившись к большому числу людей со стандартизированным набором вопросов, можно – именно на это и был направлен второй компонент эмпирической части исследования.

Часть 1. Академические диаспоры: анализ опыта организации сотрудничества

Для сегодняшнего мира характерна высокая и все возрастающая степень мобильности высококвалифицированной рабочей силы. По данным на конец 1990-х гг., 23% всех обладателей докторской степени в США родились за пределами страны, а в отдельных дисциплинах этот показатель был даже выше (например, в информатике он составлял 40%). Отток высококвалифицированных специалистов отмечается и в развитых странах (включая страны ЕС), но в первую очередь он характерен для развивающихся экономик. Доля выходцев из развивающихся стран, работающих в исследовательских отраслях за рубежом, достигала как минимум 1/3 от всего числа занятых в этих отраслях в самих развивающихся странах[1].

Неудивительно, что проблема оттока высококвалифицированных специалистов беспокоит правительства многих стран, в том числе и России. Если первоначально основное внимание в России уделялось именно самому оттоку, то в последнее время все шире обсуждаются перспективы использования работающих за рубежом российских ученых («академической диаспоры»[2]) для развития отечественной науки и высшего образования. В данной статье приводятся результаты исследования, целью которого было оценить потенциал российской академической диаспоры в общественных науках с точки зрения налаживания сотрудничества с этой диаспорой и ее заинтересованность в таком сотрудничестве, а также изучить факторы и стимулы, влияющие на готовность представителей диаспоры к практическим шагам в этом направлении.

[1] Meyer J.-B., Brown M. Scientific Diasporas: A New Approach to the Brain Drain // Management of Social Transformations – MOST, Discussion Paper No. 41, Prepared for the World Conference on Science , UNESCO – ICSU, Budapest, Hungary, 26 June – 1 July 1999. См. также: Stephan P.,. Levin S. Exceptional Contributions to US Science by Foreign Born and Foreign Educated // Population Research and Policy Review, 20(1–2) (April) 2001; 2006 Doctorate Recipients from United States Universities: Summary Report, NORC, University of Chicago, 2008.

Проблема «утечки мозгов»

Впервые проблема «утечки мозгов» привлекла внимание исследователей в 1950-х гг. в связи с оттоком ученых и инженеров из стран Западной Европы, особенно из Великобритании, в США и Канаду. В 1950–1960-х гг. это понятие стало употребляться в первую очередь для описания оттока высококвалифицированных кадров из стран «глобального юга» в развитые страны[3]. При этом высококвалифицированный специалист рассматривался как отдельно взятый актив, сродни единице основных фондов, складывающейся из фиксированного набора его или ее образовательных и профессиональных квалификаций, сформированных в результате предшествующих инвестиций[4]. В этом случае отъезд такого специалиста воспринимался как сокращение доступного для развивающейся страны «человеческого капитала» и как потеря сделанных инвестиций. Соответственно упор в научной литературе делался на негативные последствия

[2] В строгом понимании термин «академическая диаспора» предполагает существование не просто совокупности выходцев из данной страны, проживающих за рубежом, но и объединяющих их социальных сетей, которые позволяют использовать соответствующие механизмы распространения и сбора информации и др.

[3] См., например, Bhagwati J.N., Rodriguez D. Welfare-Theoretical Analyses of the Brain Drain // Journal of Development Economics. 1975. No 2. 1961-221; Bhagwati J. (ed.), 1976, The Brain Drain and taxation II Theory and empirical analysis. Amsterdam: North Holland; Portes A. (1976) Determinants of the Brain Drain // The Politics of the Return: International Return Migration in Europe / Kubat D. (ed.). Centre for Migration Studies New York. P. 269–275.

[4] См., например, Becker G. (1964) *Human Capital*. NY: Columbia U. Press; Mincer, Jacob. 1974. Schooling, Earnings, and Experience. NY: Columbia U. Press; Krueger A.B., Lindahl M. (2001) Education for growth: Why and for whom? // Journal of Economic Literature 39. No. 4 (December). P. 1101–1136.

«оттока мозгов» для экономики развивающихся стран и для благосостояния остающихся граждан, а также на методах физического ограничения или прямого материального компенсирования такого оттока через различные схемы налогообложения и «репарационных» платежей.

В последующие десятилетия, однако, упоминавшийся выше теоретический подход к «человеческому капиталу» как явлению был в значительной степени пересмотрен. В частности, подчеркивается коллективная природа процесса создания знаний, роль в нем именно научных сообществ, а не просто суммы отдельных индивидов. Способности и квалификации индивида приобретают значение и становятся продуктивными только в контексте включенности в такие сообщества и повседневных взаимодействий в их рамках. Подчеркивается также, что человеческий капитал – это лишь один из элементов процесса создания знаний, причем особенно это касается естественнонаучных и инженерных областей, где велика роль физической (и весьма дорогостоящей) исследовательской инфраструктуры[5]. В итоге в 1990–2000-х гг. на смену концепции «утечки мозгов» пришла концепция «накопления мозгов», или «мозгового банка»: целый ряд теоретических работ подчеркивает возможные положительные последствия успеха эмигрантов за рубежом для страны их происхождения[6].

[5] Aghion Ph., Howitt P. (1998) Endogenous Growth Theory. Cambridge, MA: MIT Press; Aghion Ph., Howitt P. (2005) Appropriate growth policy: a unifying framework / The 2005 Joseph Schumpeter lecture delivered to the 20th Annual meeting of the European Economic Association.

[6] См., в частности: Beine M., Docquier F., Rapoport H. (2001) Brain drain and economic growth: theory and evidence // Journal of Development Economics. Vol. 64. 1. P. 275–289; Mountford A. (1997) Can a brain drain be good for growth in the source economy? // Journal of Development Economics. Vol. 53. 2. P. 287–303; Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. (1997) A brain gain with a brain drain. Economics Letters. Vol. 55. 2. P. 227–234; Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. (1998) Human capita formation, human capital depletion, and migration: a blessing or a "curse"? // Economics Letters. Vol. 60. 3. P. 1291–1309; Saxenian A. From Brain Drain to Brain Circulation: Transnational Communities and Regional Upgrading in India and China // Studies in Comparative International Development. Vol. 40. 2005 (Summer). P. 35–61.

Существующие подходы к сотрудничеству с диаспорой

Отток высококвалифицированных академических кадров как явление и возможности использовать академические диаспоры как ресурс для развития национального высшего образования и исследовательской отрасли привлекают сегодня внимание правительств самых различных стран, в том числе и развитых[7]. Анализ мер, реализованных разными государствами в этой области, позволяет выделить несколько возможных подходов к проблеме оттока ученых[8]. Во-первых, это подходы, предполагающие воздействие на индивидуальных ученых, – от принуждения к возвращению до адресного стимулирования. В прошлом некоторые развивающиеся страны экспериментировали с мерами по физическому ограничению мобильности. Например, в Индии де-факто существовал запрет на эмиграцию медицинского персонала. В настоящее время в развивающихся странах (например, Колумбии) существуют программы, предоставляющие стипендии на обучение за рубежом в обмен на обязательство отработать затем определенное число лет на родине. В случае невыполнения обязательства с получателя стипендии взыскивается вся полученная им сумма. Более интересны меры, направленные на привлечение индивидуальных ученых путем предоставления им специальных грантов на родине и т.д., однако успех таких программ не очевиден. Эти программы не устраняют системных факторов, которые изначально побудили ученого уехать, и поэтому подобные индивидуальные меры, при всей своей дороговизне, не могут гаранти-

[7] О ситуации с оттоком академических кадров (и принимаемых в связи с этим мерах) в ЕС, см., в частности: Fallon D. (2008) Germany's "Excellence Initiative" // International Higher Education. No. 52; Guth J. Triggering Skilled Migration: Factors Influencing the Mobility of Early Career Scientists to Germany // Focus Migration Policy Brief 6 (2007); Johnson, Regets (1998) International mobility of scientists and engineers to the US – brain drain or brain circulation? // NSF Issue Brief 98-316; Marginson S., Wende van der M. (2007) Globalization and Higher Education // OECD Education Working Papers. No. 8; Musselin Ch. (2000) European Academic Labor Markets in Transition // Higher Education. No. 49. P. 135–154; Saint-Paul Gilles (2004) The Brain Drain: Some Evidence from European Expatriates in the United States // IZA discussion paper No. 1310; Tritah A. (2008) The Brain Drain Between Knowledge Based Economies: Ehe European Human Capital Outflow to the US // CEPII Working Paper No. 2008–08.

[8] B. Lindsay Lowell, Policy, Responses to the International Mobility of Skilled Labour. International Labour Office, Geneva, International Migration Branch. International Migration Paper 45.

ровать его долгосрочного удержания в стране. Существует также и проблема «неблагоприятного отбора»: подобные программы привлекут, скорее всего, ученых, у которых менее всего шансов добиться успеха за рубежом.

Вторая группа подходов предполагает не воздействие на индивидуальных ученых, а стремление создать в стране более благоприятные условия для исследовательской работы в целом. Сюда относятся системные меры, как правило, направленные на изменение системы найма и продвижения по карьерной лестнице в высшем образовании; системы оценки качества работы и системы оплаты труда, с упором на публикации в международных реферируемых журналах; системы распределения исследовательского финансирования; повышение качества постдипломного образования в целом и создания благоприятных условий для молодых исследователей в частности.

Наконец, существует и третья группа подходов, нацеленных на использование академической диаспоры как ресурса для развития (обзор современных подходов и практик представлен, в частности, в сборнике [Kuznetsov 2006]). В рамках этого подхода предполагается использование естественной склонности мигрантов к поддержанию контактов с родной страной. Они становятся каналами для привлечения инвестиций, а применительно к технологическим и академическим диаспорам – для передачи ноу-хау и технологий в различных формах. В большинстве случаев контакты складываются сами собой, однако правительства и международные организации реализуют также специальные программы по их развитию. В рамках таких программ представителей диаспоры привлекаются в качестве временных консультантов во время их краткосрочных визитов на родину – власти в этом случае могут оплачивать их приезд и помогают установлению контактов представителей диаспоры с местными организациями. Другая форма использования академических и технологических диаспор в качестве ресурса предполагает их более долгосрочное привлечение к сотрудничеству, например, в виде участия в совместных с учеными на родине исследовательских проектах; временный приезд на родину (полгода-год) для проведения исследований и преподавания; привлечение в качестве постоянных консультантов/«удаленных»/приезжающих научных сотрудников и преподавателей.

Примером такого подхода может служить политика китайского руководства, представители которого уже в конце 1980-х гг. предлагали рассматривать высококвалифицированную диаспору как «накопление интеллектуального потенциала за рубежом». Начиная с 1994 г. в правительственных документах появляется также концепция «временного возвращения» как приемлемого с официальной точки зрения поведения, совместимого с нормами китайского патриотизма. В 2001 г. лозунг huiguo fuwu («Возвращайтесь и служите родине») был официально заменен на weiguo fuwu («Служите родине»), таким образом, подчеркивая, что репатриация не является обязательным требованием. С тех пор государственные органы пропагандируют так называемую «модель гантели» – имеется в виду, что, подобно гантели, китайский профессионал может иметь две точки опоры – в Китае и за рубежом. Предлагается также модель «гибкой мобильности», в рамках которой представитель диаспоры может приезжать только тогда, когда это нужно/удобно ему и принимающим китайским институтам, а также модель «использования, но не владения», в рамках которой представитель диаспоры сотрудничает с китайским институтом, формально не становясь его работником[9].

Анализ существующих исследований, посвященных опыту взаимодействия с национальными академическими диаспорами в различных странах, позволяет сделать еще несколько выводов, имеющих прямое отношение к теме настоящего исследования. Во-первых, все чаще высказывается мнение, что в ряде случаев полное возвращение представителей научной диаспоры на родину не только труднодостижимо, но и нецелесообразно. В частности, в той же КНР вы-

[9] О проводимой в КНР политике в отношении академической диаспоры см., в частности: Brzezinski M. Migration and opportunities: A qualitative understanding of the Chinese student brain drain phenomenon // NAFSA Working Paper. No. 41. Washington, D.C.: NAFSA, 1994; Cao C., Suttmeier R.P. China's New Scientific Elite: Distinguished Young Scientists, the Research Environment and Hopes for Chinese Science // The China Quarterly. No. 168. 2001 (December). P. 960–984; Chang P., Deng Z. The Chinese brain drain and policy options // Studies in Comparative International Development. 27 (1). (Spring, 1992). P. 44–60; Ma W. The Flagship University and China's Economic Reform // Transforming Research Universities in Asia and Latin America / Ph.G. Altbach, J. Balán (eds.). World Class Worldwide, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007; Liu, Nian Ca. Research Universities in China: Differentiation, Classification, and Future World-Class-Status // Transforming Research Universities in Asia and Latin America / P.G. Altbach, J. Balán (eds.). World Class Worldwide, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007; Zweig D., Chung Siu Fung Redefining the Brain Drain: China's "Diaspora Option" // Center on China's Transnational Relations, Working Paper No.1, The Hong Kong University of Science and Technology, 2006.

сказывается точка зрения, что некоторых наиболее высококвалифицированных представителей академической диаспоры даже и не надо подталкивать к возвращению на родину, так как Китай пока не может себе позволить создать соответствующую их уровню научную инфраструктуру, и поэтому будет продуктивнее, если они останутся пока работать за рубежом. Это связано отчасти и с тем, что подавляющее большинство стран мира просто физически не смогут себе позволить создание исследовательского университета, способного конкурировать на равных с ведущими мировыми центрами, а значит, и оптимально использовать ведущих ученых – выходцев из этих стран. Более важно, однако, что миграция ученых вообще не может сегодня описываться только в терминах «отъезд – возвращение». На определенных этапах научной карьеры получение опыта работы в ведущих исследовательских центрах становится необходимым ее элементом.

Во-вторых, результаты реализуемых программ по возвращению представителей национальных академических диаспор неоднозначны. Примеров безусловно успешных программ, по большому счету, нет: наиболее успешными можно считать программы в относительно небольших (по крайней мере, с точки зрения своей академической отрасли) странах, где речь идет в общей сложности о десятках специалистов[10]. Характерен пример того же Китая, развернувшего самые, пожалуй, масштабные усилия в этой области. Несмотря на значительные вложенные средства, примеров возвращения действительно крупных специалистов есть лишь единицы, и практически во всех случаях речь идет о «полувозвращении» с сохранением институционализированных связей с зарубежными научными центрами[11].

[10] См., например: MacRae M., Wight M. A Model Diaspora Network: The Origin and Evolution of Globalscot // Diaspora Networks and the International Migration of Skills / E. Kuznetsov (ed.). 2006.

[11] Например, Пекинский университет и Университет Синьхуа смогли привлечь до 300 преподавателей, получивших степень PhD за рубежом, каждый. Однако научный уровень возвращающихся не всегда высок: несмотря на тенденцию к росту числа возвращающихся ученых, есть данные, что лучшие специалисты по-прежнему остаются за рубежом. Согласно одному из исследований, среди 300 ведущих (по таким критериям, как престижность их университета, занимаемая должность, получаемые гранты) ученых в области наук о человеке, родившихся в Китае, лишь пять вернулись в Китай и ни один из этих пяти не входит в верхние 25% рейтинга.

В-третьих, практика показывает, что с точки зрения привлечения ее к работе на родине, академическая диаспора распадается на два сегмента. С одной стороны, это состоявшиеся ученые, уже начавшие и успешно строящие свою карьеру за рубежом, с другой – молодые специалисты, только получившие степень PhD и выходящие на глобальный академический рынок труда. (Здесь, впрочем, уместен вопрос, насколько их вообще имеет смысл воспринимать как представителей диаспоры.) Цели и мотивации представителей этих двух сегментов сильно различаются, как различается и их реакция на различные программы. Хотя, как уже отмечалось, Китаю не удалось привлечь значительного числа крупных ученых – представителей диаспоры, в университетах КНР уже работают сотни специалистов, вернувшихся на родину сразу после получения степени PhD и обладающих определенными «транснациональными навыками»[12].

Наконец, в-четвертых, отдельной темой является проблема интеграции возвращающихся на родину или привлекаемых к сотрудничеству представителей диаспоры. Все более очевидно, что важно не только привлечь представителей диаспоры к сотрудничеству, но и в полной мере использовать их потенциал. Местные академические элиты, что вполне предсказуемо, зачастую отторгают «пришельцев» или, наоборот, кооптируют их. Примером относительного успеха в этом отношении опять-таки является Китай, где в некоторых ведущих университетах удалось создать критическую массу преподавателей, получивших степень PhD за рубежом и формирующих новую корпоративную культуру и новые стандарты исследовательской работы. Готовность российской академической среды к сотрудничеству с представителями диаспоры является одной из приоритетных тем для дальнейшего изучения[13].

[12] См., например: Transnational capital: valuing academic returnees in a globalizing China // Bridging Minds Across the Pacific: US – China Educational Exchanges, 1978–2003 / C. Li (ed.). Lexington, MA: Lexington Books. P. 111–132.

[13] См.: Transnational capital: valuing academic returnees in a globalizing China. Негативные примеры, в частности, отмечаются в случае Индии, где академический истэблишмент успешно сопротивлялся «пришельцам». См., в частности: Jayaram N. Beyond Retailing Knowledge: Prospects of Research-Oriented Universities in India // Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide / Ph.G. Altbach, J. Balán (eds.). Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007; Khadria B. Case Study of the Indian Scientific Diasporas. Chapter 9 in Paris. Barré R., Hernandez V., Meyer J-B., Vinck D. (eds.). Scientific Diasporas, IRD, Paris, 2003; Report

Диаспоры

Исследования показывают, что готовность представителей диаспор к сотрудничеству зависит от ряда факторов. Например, в случае КНР наименее склонны к контактам с институтами на родине представители диаспоры, находящиеся на средней стадии научной карьеры. Все силы они тратят на завоевание позиций и репутации по месту своей основной работы за рубежом. Наоборот, совсем молодые ученые рассматривают все варианты будущей карьеры, и потому интересуются и возможностями на родине. Более старшие, заслуженные ученые также интересуются такими контактами, так как они уже завоевали репутацию и могут «позволить» себе отвлекаться на такую деятельность: здесь сказываются как альтруизм и желание помочь родине, так и стремление, напротив, обеспечить приток талантливых докторантов из Китая.

Согласно результатам одного из опросов, постоянные академические или коммерческие контакты с китайскими институтами поддерживают около 50% представителей диаспоры. Порядка трети опрошенных представителей диаспоры заявили, что у них есть формальные связи с институтами на родине, и 40% из них сообщили, что работают там в качестве «специальных преподавателей/исследователей». Показательно, что около 5% представителей диаспоры говорят о готовности вернуться в Китай на долгосрочной основе; лишь малая доля представителей диаспоры вовсе исключает такую возможность. Исследования начала 1990-х гг. показывали, что ключевым фактором, определяющим готовность или неготовность к возвращению представителей диаспоры в Китай, было восприятие ими политической ситуации на родине и ситуации с правами человека. Исследования начала 2000-х гг. свидетельствуют о том, что этот фактор перестал быть ключевым, и главным препятствием к возвращению являются опасения непрофессионализма коллег в китайских институтах.

Большое значение диаспорных сетей как канала для трансфера технологий, знаний и навыков, формирования бизнес-контактов к настоящему времени сравнительно хорошо изучено[14]. Студенческие

of the High Level Committee on the Indian Diaspora, Indian Council of World Affairs, New Delhi, 2001.

[14] О диаспорах см.: Kuznetsov Ye. (ed.) (2006) Diaspora Networks and the International Migration of Skills, the World Bank, Washington, DC; Seguin B., Singer A., Daar A.

и академические сети подобного типа также способствуют обмену информацией и налаживанию связей, однако их потенциал с позиций развития родины более ограничен. Немаловажно и то, что лишь немногие страны имеют достаточно многочисленные когорты своих граждан-ученых за рубежом для формирования диаспор. Уже накопленный опыт показывает, что в академической сфере (в отличие от бизнеса высоких технологий) даже при поддержке государства попытки искусственно создать диаспорные сети и использовать их как инструмент государственной политики весьма часто не приносят ощутимой отдачи.

Часть 2. Российская академическая диаспора и возможности сотрудничества с ней: данные интервью

Задачи исследования. Базовое предположение исследования заключалось в том, что ученые, работающие за рубежом и имеющие какое-либо отношение к России, заинтересованы в сотрудничестве с ней. Как правило, изучение российских ученых за рубежом посвящено весьма многочисленной категории работающих в естественнонаучных и инженерных дисциплинах – в ходе данной работы рассматривались исследователи из области социально-экономических наук. К таковым, по решению организаторов исследования, были отнесены экономика, история, социология, политология, психология, менеджмент (включая логистику), право, философия, образование, коммуникации, международные отношения.

Спрос на эти направления подготовки в России остается высоким, и ряд вузов накопил достаточный потенциал для того, чтобы

SCIENCE COMMUNITY: Scientific Diasporas. 2006. Science 312\5780; Meyer J-B., Brown M. (1999) Scientific diasporas: a new approach to the brain drain. Management of social transformations – MOST, Discussion Paper No. 41. Prepared for the Conference on Science, UNESCO-ICSU; Johnson B., Sedaca S. (2004) Diasporas, Émigrés and Development: Economic Linkages and Programmatic Responses, Study conducted under the Trade Enhancement Service Sector (TESS) Project under Contract for the U.S. Agency for International Development, Washington, D.C.: Carana Corporation, January 2004; Biao, Xiang. Promoting Knowledge Exchange through Diaspora Networks (The Case of People's Republic of China). A report written for the Asian Development Bank. ESRC Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS), University of Oxford, 2005.

интенсифицировать международное сотрудничество в перечисленных областях. Однако как его наладить в условиях ограниченных ресурсов и высокой конкуренции за квалифицированные кадры – не вполне очевидно. В этом отношении изучение возможностей сотрудничества с теми, кто может иметь предрасположенность к совместной работе с россиянами, представляется вполне обоснованным.

Подобное видение проблемы и определило задачи описываемого исследования: выявить уровень заинтересованности в сотрудничестве с российскими вузами среди коллег российского/советского происхождения, а также возможные формы организации этого сотрудничества.

Данные. Отсутствие ранее проведенных исследований по данной теме во многом повлияло на дизайн исследования: чтобы получить максимально развернутые представления о слабо изученном поле, было решено использовать метод экспертных интервью – анализ полученных с его помощью результатов приводится в данном разделе; возможность проверки самых общих изначально сформулированных гипотез была заложена в опросе, проведенном с помощью прямой электронной рассылки – он позволил получить количественные данные, анализ которых приведен в следующем разделе.

Для обоих блоков исследования принадлежность к академической диаспоре определялась по двум основным критериям:

1) Культурная связь: корни в России или странах бывшего СССР. Рассматривались также потомки иммигрантов, родившиеся за границей, при условии сохранения у них интереса к России. Критерий владения русским языком являлся необязательным.

2) Профессиональная принадлежность: исследовательская / преподавательская работа в университетах, консалтинговых структурах. Рассматривались как состоявшиеся исследователи, интегрированные в соответствующее профессиональное сообщество, так и студенты последних лет обучения программ PhD.

Иными словами, было заложено достаточно широкое толкование как собственно диаспоры (отсутствие требования внутренних связей, широкая интерпретация идентичности, расширенное определение географии происхождения), так и ее академичности (включение исследователей-практиков наряду с исследователями-теоретиками, обращение к молодежи, выбравшей академический тип подготовки, что не всегда означает последующую академическую карьеру).

Экспертные интервью собирались в Европе и США, в основном по телефону. Главной сложностью сбора данных на этом этапе была занятость экспертов – при всей готовности помочь и откликнуться на просьбу дать интервью они часто не имели свободного времени для беседы, что значительно растянуло изначальные временные рамки этого элемента исследования.

Метод. Интервью было организовано вокруг ряда тем:

- образовательная и профессиональная карьера, мотивация прихода в академическую среду, каналы интеграции в международное академическое сообщество, <ретроспективная> готовность сотрудничать с российскими исследователями;
- знакомство с российским исследовательским сообществом, представление о нем, опыт совместной работы;
- оценка возможностей усиления сотрудничества российских вузов с зарубежными исследователями, обсуждение форм и инструментов подобного сотрудничества.

Подобный выбор тем обусловлен соображениями относительно возможных предикторов готовности сотрудничать с российскими коллегами: по ходу карьеры могут формироваться предпосылки к сотрудничеству с российскими исследователями или отказу от него; формальные вопросы об оценке российского академического сообщества помогают понять, как коллеги за рубежом представляют себе возможных контрагентов в России; непосредственное обсуждение главной темы исследования – форм сотрудничества – нацелено на генерирование новых идей и подходов, обмен возможными соображениями.

1. Академическая карьера и основания для сотрудничества с Россией

В план интервью было заложено предположение о распространенности разных типов связей с Россией у разных категорий представителей диаспоры. Предполагалось, что связи могут как отсутствовать вовсе, так и варьироваться от общеэмоциональных – друзья, родственники, привязанности – до интенсивно-профессиональных, в которых работа за рубежом в определенной степени зависит от работы в России. Последняя модель предположительно чаще распространена среди тех, кто работает в сфере естественных наук или ма-

тематики, однако может быть представлена и в других профессиональных сообществах.

Мы исходили из того, что связи можно интерпретировать как уже имеющийся ресурс, отдачу от которого рационально действующий исследователь может стремиться максимизировать. Таким образом, наличие связей – естественное основание для интереса к сотрудничеству с Россией. Напротив, их отсутствие налагает дополнительные требования к предложениям с российской стороны – они должны быть конкурентными относительно других вариантов инвестирования собственного времени и сил.

Определить наличие профессиональных связей помогали анализ биографии и прямые вопросы экспертам. Как уже упоминалось выше, в рабочем определении российской академической диаспоры, выбранном для целей данного исследования, заложено большое разнообразие типов живущих и работающих за рубежом специалистов, что влияет и на выявленные типы профессиональных карьер. Наиболее удобной представляется следующая условная их классификация:

- Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов: получили образование за рубежом, их ощущение своей принадлежности к России зависит от родительской семьи и личного выбора.
- Те, кто переехал за рубеж, получив образование в России и начав здесь свою карьеру. Эта категория обладает связями внутри страны и известна российским исследователям как минимум по прошлому опыту.
- Россияне, получавшие образование за границей, могли до этого также учиться в России или не иметь подобного опыта. Многие правила работы, сложившиеся в российском сообществе, могут быть им неизвестны, прямых контактов с российскими коллегами у них может не быть.

Рассмотрим несколько примеров для каждой из выделенных групп, чтобы понять их возможные особенности.

Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов

<A> Профессор экономики из университета Сорбонны. Потомок семьи российских эмигрантов первой волны. Всегда чувствовал свою связь с Россией, испытывал к ней большой интерес, был связан с российской культурой:

«*Мы говорили по-русски с самого детства. У меня двойное, в общем, ощущение языка. Какой родной язык – это трудный вопрос. С одной стороны, русский, а с другой стороны, конечно, я лучше и точнее выражаюсь на французском языке. Но, с другой стороны, самый родной – это русский, так что это сложно*».

«*...Я начал читать по-русски и часто читал по-русски, – это было очень важно. ... Второе – у нас была среда – не только семья – среда юношеских организаций. Мы следили за тем, что происходит в Советском Союзе. ... Потом, конечно, тот факт, что мы верующие, и церковное богослужение также дает некую основу. ... Потом культурные традиции: стихотворения, поэмы, песни. Мы очень любим петь по-русски*».

«*Целый комплекс разных элементов, которые сводятся к тому, что ты не такой, как твой сосед француз, потому что у него корни здесь где-то, а мои корни не здесь*». «*У нас двойная культура, и мы, конечно, всегда интересовались Россией*».

При этом как исследователь не занимался российской проблематикой до начала переходного периода: «*до 90-х годов это было немыслимо. Я абсолютно не занимался российскими и советскими темами до того...*», но «*когда появились возможности, я с большим удовольствием этим занялся*».

Основной мотив при этом – ощущение собственной принадлежности к российской культуре и желание помочь стране, связь с которой продолжает ощущаться в семье:

«*Это являлось в некоторой степени служением общему делу для нашей эмиграции, то есть эмиграции наших отцов и дедов. То, чему ты здесь научился и как ты здесь воспитывался, – это передать в Россию*».

С начала 1990-х гг. активно сотрудничает с российскими коллегами, инициирует или поддерживает различные программы совместной работы и т.п.

В этом примере сотрудничество с Россией является самостоятельным элементом жизненной стратегии – ресурсы, к которым эксперт имел доступ благодаря своим профессиональным достижениям (знания – профессиональные, институциональные, связи и т.п.) часто используются для достижения макроцели – обеспечения условий экономического и культурного подъема страны происхождения.

<B> Профессор экономики из университета Сорбонны, имеет российские корни, сотрудничает с Россией с конца 1970-х годов. Когда впервые поехал в Советский Союз, только получив звание профессора во Франции, родители умоляли остаться – «*Советы тебя не выпустят обратно*», но он был уверен в своем статусе члена официальной французской делегации. С тех пор завязал большое число контактов в стране – несколько раз приезжал в Советский Союз после той первой поездки по приглашению институтов-партнеров (ИМЭМО сотрудничал с Сорбонной) или на консультации заинтересованных организаций по своей теме (как эксперт в области экономики спорта был приглашен Госкомспортом СССР). Продолжил активное сотрудничество с Россией во время переходного периода – читал лекции в МГУ, готовил преподавателей для чтения аналогичных курсов на международном уровне. Продолжает приезжать в Россию для чтения лекций, консультаций: «*В апреле 2008 г. я читал лекции в Екатеринбургском университете – был полный амфитеатр. Я получил приглашение приехать в следующем году, а также руководить пятью магистерскими диссертациями*». Имеет много знакомых среди российских исследователей, благодаря чему частично включен в жизнь российского сообщества (участвует в ряде конференций, проводимых в России, приглашает россиян на мероприятия, которые организует сам): «*Я отвечал за организацию конференции в Мадриде в марте 2009 г., и мы заметили, что среди участников нет представителей переходных экономик – я сразу написал своим российским коллегам, и сейчас у нас три докладчика из России*».

В данном примере сотрудничество с Россией является одним из элементов профессиональной карьеры – как и сотрудничество с другими странами. Связи формируются в процессе профессионального общения, доступ к которому обеспечивает имеющийся статус, а также открытость новым возможностям сотрудничества.

<C> Американский социолог из университета Беркли, чьи предки родом из Российской империи: «*Моей мечтой всегда было проведение полевых исследований в России, но это было невозможно. Я приехал в первый раз, как только это стало возможно, – в 1991 г. ... Моей мечтой было попасть в Днепропетровск – город, откуда родом был мой отец (тогда это был Екатеринославль). Да, думаю, я чувствую себя связанным с Россией. Моя мать говорила по-русски – вся моя семья, дяди и т.д. – все были русскими*». Но связей с профессиональными социологами из России, несмотря на опыт весьма продолжительной работы, не сложилось.

Последний случай особенно интересен тем, что при наличии предпосылок для развития сотрудничества (общий интерес к поездке на родину предков, профессиональный интерес к изучению России), оно не сложилось. Наиболее вероятные причины – отсутствие интереса как со стороны эксперта, больше ориентированного на решение собственных профессиональных задач, чем на установление связей со страной происхождения своих предков, так и со стороны российского исследовательского сообщества.

Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов, как правило, обладают гражданством соответствующей страны. Выбор ими академической карьеры редко связан с их происхождением. При благоприятных условиях готовы к сотрудничеству с Россией, но сами его редко инициируют. На основании имеющихся данных можно предположить, что активная позиция в отношении совместной работы с Россией чаще характерна для тех, кто активно поддерживает российскую идентичность и интерес к России, что может быть также связано с принадлежностью к религиозным сообществам, дополнительно подкрепляющим подобную идентичность.

Получившие образование в России

<D> Британский исследователь, одинаково хорошо интегрированный и в российское, и в западное академическое сообщество. Получив образование в СССР и начав свою академическую карьеру там же, этот ученый получил также западное образование, что позволяет в полном смысле слова работать на стыке двух сообществ, сохраняя накопленные ранее связи: «*У меня никогда эта связь с Россией не пропадала. То есть я вот как работала с XXX – я их так же всех знаю и с ними работаю. Как я знаю ребят из YYY – я так их и знаю. И так я читаю их, они читают меня, то есть там ничего не разрывается*».

Проблемы поддержания связи с Россией, характерной для эмигрантов первой волны и их потомков, лишенных такой возможности в советское время, не возникает: «*Когда меня спрашивают: «А Вы скучаете по России?» – я говорю: «Это глупый вопрос! Если я соскучилась, так я беру и еду*».

Основной мотив сотрудничества – исследовательские интересы, основной инструмент – связи: «*Если мне надо, я поехала туда, если мне надо, я поехала сюда. ... Нужно какой-то проект провернуть – позвонила двадцати людям, кто-то откликнулся. Опубликовали там, сям*».

Накопленные ранее связи используются как элемент построения профессиональной карьеры – сотрудничество с Россией рассматривается как один из возможных вариантов ее развития. Подобную позицию можно считать наиболее типичной – ее же демонстрировали примеры <B> и <C> с той разницей, что для них связи с российским сообществом появлялись (или нет) в процессе взаимодействия с его представителями, а здесь они уже были, и выбор заключается в том, использовать ли их. Похожий пример и позиция (см. случай <E>) позволяют лучше понять, каким образом принимаются подобные решения.

<E> Американский социолог, учился в России, активно занялся социологией после ее официального разрешения в СССР, включаясь, в том числе, в различные проекты зарубежных ученых: «*Тогда было полно уже ученых западных, начинали они в России изучать. И они искали людей, кто может с ними работать, со статнавыками и т.д. ... То есть фактически оказался "в самое удачное время в правильном месте" ... Вокруг Института социологии много тоже чего крутилось, я там постоянно время проводил. Все эти западники приезжали, я работал с очень многими, сначала подрабатывая просто на проектах, и как-то втягивался*».

Как и в случае <D>, начал получать образование за рубежом, поддерживая накопленные ранее связи: «*Да, я постоянно приезжал. Я и свою диссертацию же делал по России, то есть я постоянно наезжал, да, по всяким этим проектам. ... Делаешь проекты, собираешь данные, пишешь работу*».

В настоящее время связи с российскими коллегами не такие интенсивные: «*У меня связи не настолько сейчас близкие*». «*Уже оказавшись здесь, я привлекаю ребят, с которыми раньше мы вместе работали. Сейчас я привожу финансирование отсюда. И с ними делаю проекты там <в России>*». «*Просто уже сейчас я не очень могу... не могу так же поддерживать отношения, допустим, как, когда я был там*».

Сложность поддержания связей на прежнем уровне объясняется дефицитом времени и необходимостью выбирать иные приоритеты: «*Надо участвовать в этой жизни интеллектуальной. Допустим, в октябре был большой конгресс. Я хотел вырваться, но у меня просто не получалось*». «*Я же не tenured, я не могу делать, что хочу. ... Я пока занимаюсь только research, это меня интересует. ... Мне нужно публиковаться здесь, публиковаться в топ-журналах, чтобы выходить с нашими в сотрудничестве на публикации в топ-журналах – это непросто. Это все-таки не та школа немножко, и не те ориентации. Поэтому как бы пишешь здесь, работаешь здесь*».

Развитие карьеры накладывает очевидные дополнительные ограничения на готовность и возможность живущих за рубежом россиян кооперироваться со своими соотечественниками.

Те, кто переехал за рубеж, получив образование в России, часто были интегрированы в российское профессиональное сообщество, что позволяет считать их самой перспективной частью диаспоры с точки зрения выстраивания отношений с российскими коллегами: карьера за рубежом для этой категории исследователей, как правило, – продолжение работы, начатой в России. Они часто обладают связями в российском профессиональном сообществе, что означает не только лучшее понимание особенностей его функционирования, но и определенные эмоциональные отношения, привязанности, большую заинтересованность в совместных работах и т.п. Вместе с тем эти люди к настоящему моменту часто находятся на пике своей карьеры или близки к нему, что означает обилие обязательств, конкурировать с которыми должны предложения российских вузов.

Получившие образование за рубежом — недавние выпускники программ PhD

<F> Недавно получив степень PhD в одном из ведущих университетов США, этот эксперт сейчас организует собственный бизнес. Первое образование эксперт получил в бывшем СССР, но академической карьеры и соответствующих связей здесь в тот момент не было сформировано, так как окончание вуза совпало с началом переходного периода и отсутствием спроса на научные исследования: «*Когда я окончил университет по специальности "Философия", философы, скажем так, были не востребованы на всем постсоветском пространстве*». Тогда эксперт решает получить другое образование: «*То есть получить более практическую специальность, которая будет котироваться и даст мне возможность получить работу не только в России, но и на Западе*». При этом интерес к работе в академической сфере присутствовал, но не был доминирующим: «*Я думал о том, чтобы заняться академической карьерой, честно Вам скажу. Мне было интересно делать исследования, публиковаться, может быть, даже преподавать, но в меньшей степени*». Тем не менее продолжение обучения было ориентировано исключительно на получение более привлекательных возможностей на рынке труда: «*Я, собственно говоря, когда поехал учиться в Венгрию, это было своего рода намерением "переквалифицироваться в управдомы". То есть чисто практический интерес*».

Однако система обучения часто построена таким образом, что стимулирует у талантливых студентов интерес к академической карьере — предлагая дополнительные возможности, организовывая привлекательные конкурсы и т.п.: «*Там у нас так все было поставлено, что нам всем помогали дальше куда-то поступать на PhD*». Узнав о конкурсе, проводимом одним из ведущих американских университетов, привлеченный именем вуза и природным любопытством, эксперт подает документы и выигрывает грант на обучение: «*Если бы этого гранта не было, я, конечно, вряд ли бы решился там брать кредит и поступать на PhD, этого практически никто не делает, как Вы понимаете. Я бы, скорее всего, вернулся в Россию и стал бы заниматься чем-то более практичным, чем получение дальнейшего академического образования*».

Работал в России некоторое время: «*Мне предложили неплохую зарплату и одновременно с этим возможность делать исследования.*

И те, кто меня нанимал, они практически никак не ограничивали мои исследовательские интересы. Вот это на тот момент мне показалось возможностью приехать в Россию и попытаться себя реализовать как научный исследователь, причем делать исследования на интересные темы. ... Мы делали всякие интересные исследования, и мне нравилось именно то, что я могу делать те исследования, которые я считаю важными, а не то, что там, понимаете, мне начальник навязал, особенно если бы он мне навязывал какие выводы нужно делать из этого исследования». Но потом не смог найти аналогичных по привлекательности условий: «*В каждом из случаев, когда я пытался устроиться, ситуация складывалась таким образом, что она меня не устраивала*» — о препятствиях к сотрудничеству и необходимых условиях оного.

В этом случае изначально отсутствовали связи в соответствующем профессиональном поле как в России, так и за рубежом, но общий уровень активности самого респондента и внешняя институциональная поддержка обеспечили вхождение в международную академическую среду. В определенном смысле уже принадлежность к этой среде, а также собственные интересы определяли условия для сотрудничества с Россией.

Еще один пример постепенного вхождения в академическую среду:

<G> Аспирант по экономике North-Western University в Чикаго, родом из Латвии. «*У меня получилось так, что я на один семестр ездила в Англию как exchange student, когда училась на бакалавра. Это был первый раз, когда я уехала из дома в другой стране учиться, это дало мне хороший толчок, открыло горизонты, что есть возможность куда-то поехать. После того как я съездила (это было в конце третьего курса), я решила попробовать куда-то поступать после окончания бакалавриата. Но вообще я собиралась только получить магистра и потом возвращаться обратно и работать [не в академической сфере]. Магистратура мне понравилась, поэтому мне захотелось дальше идти по этой стезе. И больше возможностей, и какой-то вкус к этому появился*».

В этом случае связи ограничены опытом обучения: «*Мой бывший профессор, я его знаю довольно хорошо*». Потенциальные осно-

вания для сотрудничества – исследовательские интересы: «*Мне интересно это – какие-то общие темы*».

Другие недавние выпускники программ PhD демонстрируют похожие стратегии построения карьеры: как правило, у них нет связей в российском академическом сообществе, и они с разной степенью интенсивности пытаются эти связи найти.

Для тех, кто получал образование за рубежом, особенности работы в российской академической среде неизвестны, у них часто нет связей с российскими центрами и единственной возможностью начать сотрудничество с российскими коллегами для данной категории представителей диаспоры являются их собственная активность и направленный поиск вариантов совместной работы.

---

* * *

1. Полученные данные позволяют предполагать, что интерес к изучению России / совместной работе с россиянами / работе в России может быть связан:

- с эмоциональной привязанностью – общей, неспецифицированной к стране в целом, ее культуре, или конкретной – наличием родственников, друзей в России;
- хорошим знанием реальности, позволяющим легче ее анализировать, что удобно при академической карьере, требующей быстрой и эффективной работы по интересным проблемам;
- доступом к ресурсам (социальным связям, позволяющим собрать интересную информацию / легко организовать необходимые полевые исследования, базам данных и т.п.), также облегчающим исследовательскую работу.

2. Три выделенных поколения демонстрируют несколько различающиеся линии поведения в отношении сотрудничества с Россией. Молодежь решает вопрос о том, что делать после окончания учебы, сравнивает имеющиеся варианты и готова откликнуться на конкурентоспособные предложения (привлекательность зависит от ряда параметров, о которых см. далее). Среднее поколение активно строит свою карьеру, включено в весьма жесткую систему обязательств и

может включаться в совместные проекты, если они вписываются в общий контекст работы. Наличие связей и хорошее знание реальности помогает поддерживать связи, но сделанные ранее инвестиции в собственное положение на международном академическом рынке накладывают свои требования и ограничивают их доступность для совместных проектов. Для старшего поколения, представленного в исследовании потомками российских эмигрантов первой волны, сотрудничество с Россией может интерпретироваться и как особое направление собственной профессиональной деятельности, и как один из вариантов международного сотрудничества. Привлекательность последнего оценивается по внутренним, индивидуальным для каждого эксперта критериям.

3. Как следует из данных интервью, важным условием интеграции талантливой молодежи в академическую среду является политика самого вуза или академического сообщества в целом, конкурирующего с бизнесом за перспективные кадры. Большинство наших респондентов не особенно стремились заниматься исследованиями, но открывающиеся перед ними возможности, поддержка и признание стимулировали их интерес к этой сфере и способствовали их постепенной интеграции в академическую среду (из уже упомянутых примеры <B>, <C>, <F>, <G>, частично <D> и <E>). Если расширить этот пример, то можно полагать, что создание инициатив для привлечения талантливой молодежи в российскую академическую среду также способно привести к положительным результатам. Конечно, в том случае, если найдены верные стимулы и использованы интересные для целевой аудитории формы поддержки.

2. Условия и ограничения для сотрудничества

Обсуждая необходимые условия для работы международных специалистов в России, чаще всего называют два: оплату труда и социальный климат – функционирующую социальную систему, определенный уровень социальных свобод, и т.п. Безусловно, эти факторы упоминались и в ходе наших интервью – наряду с другими мы разделили их между *условиями*, важными для налаживания сотрудничества, и *ограничениями*, препятствующими ему.

2.1. Условия для сотрудничества

Оплата труда

<F>: «*Просто понимаете, те зарплаты просто несравнимы с тем, что на Западе. Это один из важных факторов. На Западе человек, такой, как я, может получить в академии не просто большую зарплату, а такую, которая может прокормить не только меня, но и мою семью. ... Я просто решил для себя, что академическая карьера в России – это не та вещь, которая может меня удовлетворить с материальной точки зрения*».

<G>: «*Хотелось бы, чтобы и нормальный доход был после этой учебы ... С одной стороны, хотелось бы, чтобы предложили, как в Америке платят, но они, конечно, здесь не могут. Но и цены, конечно, ниже. Поэтому так много не надо. Но, с другой стороны, я знаю, что люди, с которыми мы вместе учились на бакалавра, ушли в частный сектор и получают очень хорошие деньги. В том плане, что я могла бы пойти по этому же пути. Поэтому мне не хочется возвращаться к чему-то такому... Я знаю, что у нас [Латвия] платят 600 долларов в месяц, если ты исследуешь что-то. Это, конечно, очень мало, это просто нереально*».

Важно отметить, что структура беседы была построена таким образом, что респонденты сами высказывали свои требования, представления о возможных ограничениях, и следует отметить, что оплата труда называлась далеко не всеми. Наиболее охотно о материальных условиях и ограничениях, которые они накладывают на возможности сотрудничества, говорили молодые люди, для которых выбор места приложения своих сил и талантов во многом определяет ожидаемый в дальнейшем уровень доходов. Для старшего поколения, уже обладающего накопленными как материальными, так и нематериальными ресурсами, сотрудничество с Россией является одним из возможных выборов, он совершается по разным мотивам, и максимизация именно доходов уже не является столь значимой, как на ранних этапах карьеры. Иными словами, данные интервью позволяют предполагать наличие различий в ожиданиях по условиям работы в зависимости от этапа карьеры.

<B>: «*Если меня попросят завтра утром прочесть лекцию в Париже, я назову такую-то ставку, но я понимаю, что российским университетам я не могу ее назвать – это будет для них слишком много. Или они согласятся лишь на один раз, и не смогут продолжить. Поэтому я готов адаптироваться – конечно, я иду навстречу лишь странам с переходной экономикой – если меня приглашают в Канаду или США, я называю свою обычную ставку*».

<F>: «*Если я смогу создать свой бизнес и заработать достаточно денег, чтобы больше было не нужно думать об их зарабатывании, то тогда, может быть, вернусь к преподавательской деятельности как к форме гуманитарной активности*».

Дефицит платежеспособного спроса является, безусловно, важным ограничением, но он может быть компенсирован изменением условий: да, постоянное место работы квалифицированного специалиста международного класса должно высоко оплачиваться, но есть возможность организации кратких визитов, рабочих поездок, совместных исследований и т.п. – форм, требующих меньших основных инвестиций, но позволяющих получить хорошую отдачу.

Содержание работы

Компенсировать не всегда привлекательные материальные условия могут прочие обстоятельства совместной работы. В первую очередь интересные темы, позволяющие работающим за рубежом ученым включить свое пребывание в России в общую систему карьеры, с ее текущими и перспективными задачами.

<B> отмечает, что контакты формируются, как правило, на индивидуальном уровне – между исследователями, заинтересованными в одной теме: «*... на конференции в Москве ко мне подошел декан экономического факультета Уральского госуниверситета, мы обсудили наши темы, нашли много общего, и он предложил приехать с кратким курсом лекций*». Именно исследовательские интересы являются основным мотивом для сотрудничества. Описывая себя, говорит также и о том, что «*путешествия, возможность узнать что-то новое, побывать в новом месте, тоже всегда немаловажны. Правда, есть места лучше Сочи или Екатеринбурга*», именно поэтому исследовательские интересы стоят на первом месте.

<E>: «*Мой интерес в этом – собрать хорошие данные и написать статьи для ведущих журналов*».

<D>: «*У меня очень ограниченный ресурс времени. То есть я просто постоянно работаю под какие-то большие проекты, дедлайны, и, в принципе, мне довольно тяжело согласиться на какое-то дополнительное сотрудничество. Но при этом, когда какие-то вещи совпадают, тогда – с удовольствием*».

<H> Политолог, заканчивает аспирантуру в Гарварде: «*Если есть какие-то интересные темы, на которые работают те и другие, есть идеи, чтобы они вместе сотрудничали, то, конечно, есть шанс наладить сотрудничество*».

Вновь для молодых людей, ищущих свою нишу в академическом пространстве, важнее получить доступ к интересным темам, данным, позволяющим сделать хорошие публикации и таким образом продвинуть свою карьеру, обеспечить себе признание в академическом сообществе. Среднее поколение, накопившее определенные ресурсы, готово к сотрудничеству, если оно вписывается в уже сложившуюся систему обязательств, во многом определяющую их приоритеты. Наконец, старшее поколение может позволить себе наибольшее число степеней свободы – совершает свой выбор, основываясь на большем наборе предпочтений.

Важно отметить, что российские коллеги на сотрудничество идут часто неохотно или не идут вовсе, или предлагают такие формы его организации, которые не вписываются в ограничения наших респондентов.

Индивидуальное сотрудничество

Например, вузы часто стремятся оформить институциональное сотрудничество – с точки зрения российского вуза это понятный выбор, так как подобное сотрудничество обеспечивает дополнительный рыночный сигнал в системе российского высшего образования. Тем не менее для исследовательской работы оно не требуется, а индивидуального интереса – основного условия совместной деятельности – многие респонденты не наблюдают.

<E>: «*Все хотят почему-то в России межинституционального сотрудничества с университетами или с факультетами, какие-то договоры с какими-то центрами. Здесь так не принято. Здесь работают индивидуальные исследователи. Нужно эти связи строить на индивидуальном уровне. Если я могу работать с X, я буду с ней работать. Если мне с Y нужно какую-то конференцию провести, можно провести конференцию*».

<A>: «*... что поражало – очень мало кто был заинтересован в совместной работе. ... Когда мы принимаем людей во Франции – людей, которые читают у нас лекции или дают семинар и т.д., так все же хотят с ними встретиться, чтобы пообщаться, поговорить, поделиться опытом. ... И эти отношения могут вылиться и в то, что люди начинают писать совместные работы ... Это очень редко бывает, – по моему наблюдению, оно, конечно, ограниченное, – но это очень редко бывает с российскими преподавателями, когда французы едут в Россию*».

Возможные объяснения подобной ситуации могут быть самыми разными – от занятости текущими обязательствами, характерной для российских исследователей, от которых не требуется регулярно публиковать исследовательские результаты, до отсутствия традиции совместной исследовательской работы, дефицита соответствующей культуры, незнания доступных форм поддержки подобной деятельности и т.п., что подчеркивает значимость следующего условия не только для зарубежных исследователей, но и для россиян, заинтересованных в совместной работе с ними.

Наличие информации о возможностях исследовательской работы

Как было показано выше, наиболее эффективный способ выстраивания отношений внутри российской системы – использование личных связей. Социальные сети являются универсальным инструментом, помогающим во всех странах, но в условиях дефицита доступной информации их влияние значительно увеличивается. «Человек со стороны» фактически не имеет понятных возможностей вписаться в эту систему.

<I>: Недавний выпускник престижной европейской PhD-программы, работает в исследовательском центре в Европе: «*У меня до сих пор есть желание сделать какие-то совместные проекты, конференции, публикации, как-то вписаться в российскую структуру, но почему-то не вписываюсь. Мне кажется, они более*

закрыты для иностранного контакта. Не для иностранцев, но они закрыты именно к русским исследователям».

<H>: «*У меня есть знакомый, который бы очень хотел исследовать миграцию в России. Во-первых, он не знает расценок на то, что здесь. Если ты кого-то знаешь, значит, ты договоришься, а иначе – навряд ли*».

Это относится и к описанию программ, на которые могут претендовать исследователи из-за рубежа:

<H>: «*Информации нет – допустим, на год какие условия: когда ты подаешь, сколько ты получаешь. Такого же нет*».

Расширение информационной поддержки исследовательского сообщества в России способно сформировать дополнительный интерес к тем работам, что ведутся в стране, к перспективам совместных проектов. Информационная поддержка также может решать задачи налаживания понимания, формирования общих смыслов, взаимно понятных идей, что часто оказывается важно, если речь идет о специфических явлениях, характерных для переходной экономики / российской культуры и прочих не всегда понятных внешнему наблюдателю проявлений жизни в России.

<G>: «*Все равно надо, чтобы тебя знали. Если это институт, который чем-то занимается, надо, чтобы о нем уже было что-то слышно. ... Все равно в России многое совершенно по-другому всё еще работает. Много чего интересного, но людям, которые со стороны, у которых нет «“бэкграунда”» в этой теме, тоже будет сложно. Поэтому все равно нужен эксперт в любой стране, чтобы можно было легче сотрудничать, чтобы он мог тебе объяснить, в чем проблема и почему это интересно*».

Выстраивание персональных связей внутри информационно прозрачной системы представляется наиболее плодотворным рецептом организации сотрудничества. Это означает необходимость создания отсутствующего пока информационного пространства, позволяющего связывать индивидуальных исследователей, а также распространения стимулов к подобному сотрудничеству, неочевидных для многих россиян.

Поддержание связей, культура коммуникации

Одно из необходимых условий сотрудничества – устойчивое поддержание контактов, обеспечивающее возможность продуктивной совместной работы без постоянного физического контакта – «в удаленном режиме». Эта практика, по мнению многих респондентов, не является распространенной в России.

<I>: «*Я им* [коллегам из США или Европы] *пишу письмо, присылаю свои наработки, у них какой-то интерес, они начинают куда-то приглашать – на конференции, на лекции, предлагают хотя бы маленькие контракты. А вот с российскими я пыталась списываться, и у нас ничего не получалось. И в 99% случаев вообще никакого ответа от них не бывает. А 1% ответов весьма неприятный или даже оскорбительный*».

<J> Недавний выпускник британской PhD-программы, работает в университетском исследовательском центре в Великобритании: «*Очень сложно общаться с такими людьми: с одной стороны, люди хотят вроде, но сами никакой активности не проявляют. У нас вообще очень плохая система, характерная для всех, с кем я общаюсь: вне очей – вне сердца. Контакт не поддерживают, не пишут e-mail, не отвечают на них. ... А тут – ты отправляешь e-mail, на него ждешь ответа месяц*».

Наиболее вероятное объяснение подобным ситуациям, помимо преодолимых технических сложностей, может быть связано с иными приоритетами российских исследователей: обилие иных обязательств и отсутствие формально закрепленных стимулов к исследовательской работе и обеспечению ее качества позволяет постоянно откладывать вопросы, связанные с совместными научными исследованиями – откладывать до того момента, когда они лишаются смысла, и другая сторона теряет интерес к совместной работе.

Нематериальные условия – уважение, престиж

Важным элементом приглашения зарубежного коллеги в условиях дефицита финансовых ресурсов является создание приятных условий пребывания, использование различных нематериальных стимулов, таких как престиж, атмосфера уважения и т.п. Многие российские вузы можно считать мастерами гостеприимства – часто именно

оно используется как способ компенсации не вполне привлекательных материальных условий, которые они могут предложить своим зарубежным коллегам. При этом важно учитывать, кого именно они рассматривают в качестве зарубежных коллег, и относятся ли, к примеру, к этой категории ученые российского происхождения, работающие за рубежом.

<I>: «*То есть я понимаю, что там не могут предлагать европейские заработки, но если они обеспечат хоть какие-то условия – билеты оплачивают или как-то проявляют своё серьёзное отношение... Даже не в деньгах дело, а просто в отношении. ... Я не ожидаю, что здесь платят за лекции, но хоть какие-то затраты означают то, что это серьёзно, что тебя ценят как специалиста. Вот этого никогда не было. Хотя часто слышала такое: «"Приезжайте, почитайте у нас что-нибудь"», – показывают, что им как бы всё равно, что они мне одолжение делают, разрешат мне почитать лекции. Совершенно всё вверх ногами поставлено*».

Очевидно, что подобные вопросы решаются на уровне вуза и его политики в отношении укрепления международных связей. Упоминавшиеся не раз выше личные связи также могут содействовать использованию нематериальных стимулов при работе с зарубежными коллегами российского происхождения, а их отсутствие способно серьезно ограничить доступ к любым, в том числе и нематериальным ресурсам вуза.

2.2. Ограничения для сотрудничества

К этой категории были отнесены также часто обсуждаемые в России непривлекательные обстоятельства жизни в стране, препятствующие как плодотворной научной работе, так и комфортабельной жизни в целом. Условно их можно разделить на специфические – имеющие отношение собственно к организации научной жизни, и общие – осложняющие взаимодействие с российскими партнерами.

Наиболее часто упоминались различные проявления отличий российского сообщества от международного – иные формы работы, ориентация на иные результаты и т.п. Также назывались дефицит финансирования научных исследований, порождающий малочисленность научного сообщества (той его части, которая работает по международным стандартам) и, как следствие, его неспособность распространять свои ценности, поддерживать должный уровень качества, рекрутировать новых членов и т.п.

Многие респонденты старались очень деликатно описывать эту проблему, понимая ее остроту и все те дополнительные условия, которые с ней связаны:

<D>: «*Россия прожила такой сложный период, что, я думаю, это было бы даже несправедливо каким-то образом критически оценивать развитие науки вот в эти конкретные десять-пятнадцать лет... Очень многие люди просто уехали, а многие ушли в бизнес. То есть, конечно, можно говорить о том, что те, которые остались, подхватили знамя и понесли его вперед. Но можно говорить и о том, то если бы никто не уехал и не ушел в бизнес, то знамя было бы выше и больше. То есть это вопрос позиции, но я не думаю, что те люди, которые уехали, должны судить об этом*».

Тем не менее проблема неготовности российского сообщества жить по международным правилам существует, и многие респонденты к ней возвращались.

Мало международно признанных результатов работы

В силу многих причин в России часто нет традиции публиковать результаты своих научных изысканий, в том числе с расчетом на международную аудиторию. Участие в международных конференциях также не особенно распространено. Вместе с тем именно эти каналы являются наиболее популярным средством информирования международной общественности о собственных исследовательских интересах и достижениях, служат основным способом завязывания профессиональных контактов, помогают начать совместную работу.

<K>: Европейский социолог, училась, защищалась и работает в Европе, в исследовательском центре при университете: «*Я их не знаю – они не публикуются*».

<J>: «*Все контакты легче заводить на конференциях – на зарубежных конференциях я мало встречаю российских исследователей. ... Я читаю, смотрю – по моей тематике должны быть люди. Даже*

целые институты есть, которые занимаются антропологией и, думаю, социальной антропологией. Но вот так, чтобы публиковались, чтобы я их цитировала – нет».

<H> «*Я мало общаюсь с местными политологами, но понаслышке я не могу сказать что-то особенно хорошее. ... Процент тех людей, которые делают исследования на уровне, который позволяет публиковать в реферируемых журналах, очень низкий*».

<E>: «*Просто работы, которые пишутся даже лучшими социологами России, опубликовать в ведущих американских журналах невозможно*».

Исследователей международного уровня очень мало, они востребованы и часто из-за этого не имеют возможности откликаться на поступающие предложения о сотрудничестве.

<G> о своем бывшем научном руководителе: «*Он довольно активно этим делом занимается. Он пытается что-то писать, ездит на конференции, держит себя в хорошей форме. И у него достаточно проектов, он получает запросы иногда от Всемирного банка, иногда еще от каких-нибудь местных министерств. Спрос на исследования есть, это плюс. Просто не хватает времени браться за все эти проекты, сколько у него предложений. Он уже поработал и считается экспертом в этой области. Это у него заняло лет 10, чтобы создать имя какое-то, хорошее положение. Есть люди, но мало*».

Большая загрузка текущими обязательствами также препятствует полноценной научной работе, в том числе подготовке серьезных теоретических публикаций. Этот вопрос активно обсуждается внутри российского исследовательского сообщества, поэтому, не останавливаясь на нем подробно, лишь заметим, что работающие за рубежом коллеги отмечают его остроту, а также то, что он препятствует налаживанию полноценного диалога между исследователями.

Прикладная ориентация социально-экономических наук

Одно из следствий положения социально-экономических наук в советской системе – их сохраняющаяся прикладная ориентация. Исходя из внутрироссийской логики, ученый должен стремиться получить результаты, позволяющие решить некие социальные проблемы.

Часто выбор решаемых проблем зависит от заказа на исследования. По логике коллег, работающих за рубежом, невозможно подойти к решению социальной проблемы, не разобравшись в ее причинах, механизмах сопутствующих ей социальных явлений и т.п., для чего необходимо проведение соответствующих теоретических исследований. В рамках этой логики ученый должен стремиться познать особенности функционирования конкретного фрагмента социальной реальности, донести его до научной общественности, чтобы через обсуждение приблизиться к пониманию исследуемого явления. Указанное противоречие отчасти объясняется особенностями спроса на научные исследования: в России практически не предъявляется спрос на теоретические исследования, потому мало и предложения.

<A>: «*Исследовательская работа не играет такой роли в России, как она играет на Западе ... Кроме того, есть определенные ожидания от научной работы. Весь управленческий аппарат, в глобальном смысле этого слова, ожидает от науки ответов на свои вопросы. И мгновенных ответов на свои вопросы. ... Мне кажется, это не особенно перспективно, потому что быстро дать ответ на сложный, очень сложный вопрос – это нелегко. Чтобы ответить по существу одного вопроса, надо углубиться в реальность, сложность этого вопроса, занимаясь теориями, без особой, если хотите, надобности обеспечить краткосрочную отдачу. ... Ожидание такой отдачи от научной работы тоже не способствует формированию серьезного научного сообщества*».

<C>: «*Я могу ошибаться, но те российские социологи, которых я встречал, были в большей степени ориентированы на прикладные исследования, особенно на политические. Это особенности экономической ситуации – все понятно*».

Суета, отсутствие стратегии, вторичная значимость научного результата – те элементы организации академической жизни, которые стали особенно заметны в переходный период, не удивляют молодых исследователей, выросших в условиях переходной экономики.

<G>: «*Мне кажется, это проблема финансирования. Если ты знаешь, что деньги ты можешь получить только под какие-то про-*

екты, которые актуальны сейчас, ты этим и занимаешься. То, что занимаешься краткосрочными проектами, – это не корень проблемы, а только ее симптомы. Потому что у нас финансирование науки не очень хорошо поставлено. Поэтому мы делаем то, где есть спрос, где нам платят. ... Хорошо, что хоть так».

Исследовательское сообщество в России занято поиском подобных проектов, их получением и реализацией, а времени на серьезные научные исследования у большинства работающих в академической сфере не остается. Все это приводит к ситуации, когда многочисленные мелкие обязательства не позволяют сконцентрироваться на стратегических вопросах.

<A>: «*В Москве абсолютно невозможно общаться по существу. Может быть, не совсем, но, во всяком случае, я не смог. ... Там такой круговорот всего вообще, постоянно надо направо-налево... Обязательно надо выехать из Москвы или из Парижа и провести недельку в каком-нибудь центре, где никто не мешает, где можно спокойненько посидеть и действительно поработать*». «*Мои коллеги ... очень заняты разной нагрузкой со всех сторон. И у них нет просто времени*».

Неэффективный менеджмент времени, «текучка» (обилие мелких обязательств, препятствующих решению более важных и сложных задач), большая аудиторная и/или административная нагрузка – эти и прочие особенности организации жизни российского вуза накладывают серьезные ограничения на готовность его сотрудников к участию в серьезных исследовательских проектах совместно с зарубежными партнерами.

Ригидная система внутреннего управления в сфере научных исследований в России

Научные исследования по своей сути – творческий процесс, несмотря на их «массовизацию» и «индустриализацию» в XX в., данный вид деятельности остается притягательным для творчески активных людей, то есть тех, кто, как правило, не любит жестких правил, процедур и регламентов. Учитывая указанные выше особенности организации сферы научных исследований в России, регламентация в

ней также может оказаться дополнительным ограничением, препятствующим притоку исследователей из-за рубежа.

<F>: «*Была еще такая причина, которая была скорее связана с академической бюрократией. ... Мне казалось, что мне будет непросто с этими людьми, ну не с конкретными людьми, а с системой, сжиться*».

Негостеприимная институциональная среда

Макросреда, особенности работы многих институтов и социальных систем в России – популярная тема и ожидаемое ограничение привлекательности России как места работы, пусть даже временного. Простая ознакомительная поездка в Россию – получение визы, общение со службами ОВИР и прочие процедуры – способны отрицательно повлиять на готовность сотрудничать с российскими партнерами.

<D>: «*Тут, на Западе, очень любят Россию. ... Всем всё интересно. Ехать – с удовольствием. Но ведь Вы понимаете: у нас визы, разрешения, где нужно регистрироваться в местном ОВИРе, если ты, иностранец, приехал. Вот эта вот вся, понимаете, тяжелая институциональная среда, какая-то милиция, которая выглядывает удобных жертв и имеет право их забирать в участок, и получать какие-то свои пятьдесят долларов. Ну, то есть, это все настолько стыдно, понимаете, что, конечно, когда люди, даже самые лучшие, самые увлеченные, сталкиваются с этим, конечно, это никому не добавляет удовольствия приехать в Россию*».

Закрепление институтов в их постсоветской форме способно также изменить само поле исследований: вместо трансформирующегося общества возникает достаточно статичная структура, открывающая меньше возможностей для оригинальных научных работ.

<F>: «*Поле для исследований изменилось и перестало быть привлекательным ... Перспектива быть политологом или потенциально публичным политиком очень сильно потускнела за последние годы, как вы понимаете. Это даже не связано только с тем, могу я или не могу говорить что-то. А просто престижность этой карьеры...*»

По мере «костенения» экономической и политической системы в России остается меньше простора для проверки нетривиальных гипотез, и есть риск, что исследовательская работа по российской тематике через определенный промежуток времени будет интересна лишь тем, кто занимается собственно российскими исследованиями, т.е. получит ограниченную привлекательность.

* * *

Отличия явных и неявных правил организации исследовательской жизни являются серьезным ограничением для развития сотрудничества с российской академической диаспорой (как, впрочем, и с международным академическим сообществом в целом, так как рассматриваемая совокупность является его частью). Указанные различия и связанный с ними высокий уровень неопределенности для заинтересованного исследователя извне (не из России) характерны для всего процесса организации совместной исследовательской работы.

«На входе». Российское исследовательское и университетское сообщество характеризуется высоким уровнем информационной непрозрачности: без соответствующих связей сложно выяснить, как функционирует система, как оценить привлекательность вуза или исследовательского коллектива в условиях низкой публикационной активности российских исследователей на международном уровне; где искать вакансии, стажировки, каковы требования к заявителям, какие условия предлагаются и т.п.

«В процессе» работы нередки ситуации, в которых можно говорить о фактическом отсутствии стандартов научного результата. Низкий уровень подготовки человеческих ресурсов, работающих в сфере научных исследований, «кумовщина», незначительный объем исследований, дефицит структур, их проводящих, большое значение личных связей являются тем фоном проведения научных исследований в России, о котором говорили проинтервьюированные представители российской диаспоры. Подобные высказывания можно охарактеризовать как слабую институционализированность научной работы, препятствующую институционализации взаимодействий с российским исследовательским сообществом – они продолжают оставаться спорадическими и поддерживаются в основном вопреки, а не благодаря условиям, сложившимся в российской системе научных исследований.

«Выход» исследовательской продукции (незначительное число публикаций в признанных на международном уровне изданиях, слабая вовлеченность в международные научные дискуссии и т.п.) можно считать наиболее четко осознанным и явно сформулированным недостатком работы российского академического сообщества, что, однако, не уменьшает его остроты и значимости для решения задачи интеграции российских вузов в международное исследовательское пространство.

3. Формы сотрудничества

Как было показано выше, для тех, кто работает за рубежом, оптимально вписать сотрудничество с Россией в систему своей карьеры, в тот набор приоритетов, который уже установлен. Действительно, если определять задачу как «привлечение работающих за рубежом», то необходимо учитывать обстоятельства этой работы и предлагать такие варианты сотрудничества, которые позволяют компенсировать ее возможные слабые места или шире использовать ее возможности. Каким образом может быть организовано сотрудничество между россиянами в России и за рубежом – не было специальным вопросом исследования, тем не менее многие респонденты считали своим долгом высказать свои предложения, которые приводятся ниже.

Создание привлекательного исследовательского климата

Аудиторная нагрузка / преподавание, как правило, не оказывает влияния на возможности продвижения большинства преподавателей-исследователей, поэтому не является для них приоритетной, в отличие от интересных исследовательских тем, доступа к оригинальным данным. Указанную особенность карьерных стратегий работающих за рубежом исследователей (о ней подробнее говорилось выше) необходимо учитывать при разработке форм сотрудничества.

> <E> «*В “research university” люди не хотят преподавать. И преподают именно столько, сколько требуется. Но никто не заинтересован преподавать больше, чем требуется*».

Именно поэтому целесообразно искать мягкие формы вовлечения зарубежных исследователей в совместную работу с российскими

коллегами / аспирантами / студентами. Они позволяют усилить информационный обмен между российскими и зарубежными учеными, поддержать приезд в Россию зарубежных исследователей, заинтересованных в работе в стране. Например, предоставление условий для работы, содействие в обеспечении жилищными условиями, визовая поддержка и т.п., в обмен на которые приехавший с визитом ученый может брать на себя относительно слабо структурированные обязательства – участие в исследовательских семинарах, консультации и т.п.

Договоренность о подобных видах работ, не связанных с такой жесткой нагрузкой, как, например, преподавание, сохраняет условия для полноценной исследовательской работы, важные для приглашенной стороны, но обеспечивает основания для развития совместных исследовательских проектов и других форм сотрудничества как преподавателей, так и студентов из заинтересованных российских вузов с зарубежными исследователями, что важно для приглашающих.

<E> рассказывает о своем коллеге: «*Каждый год он выезжает в Москву, ему нужно заниматься исследованиями. ... Они пробыли целый год, и для них это было очень дорого. ... То есть они себе не могли ничего особо позволить в Москве*».

Вместо этого можно было бы организовать особую форму пребывания, в рамках которой «*Ты приезжаешь, можешь даже выступить на семинаре, при этом тебе предоставляют, скажем, "shot term visited professor", на неделю. Я думаю, от этого бы все выиграли*». «*Это был бы очень хороший вариант. Потому что тебе решаются проблемы с пребыванием, с оплатой жилья и т.д. А принимающая сторона получает человека, который может и в семинарах участвовать, и пообщаться с людьми, обменяться*» <E>.

При подобных контактах важно организовать соответствующий климат, стимулирующий и поддерживающий интерес к исследованиям, совместной работе. <E>: «*Такой спонтанный контакт без особых, скажем, целей, что нужно обязательно проект раскрутить. Но, в принципе, это было бы очень здорово. Начиная от недельных визитов до месяца, до нескольких месяцев, до года*».

В этой ситуации подчеркивается именно необременительность сотрудничества, при этом наличие условий, к нему располагающих. <E>: «*Если был бы, скажем, какой-то институт, в который можно приехать выступить, можно побыть неделю. Ты занимаешься своими исследованиями... Когда не то, что ты должен специально что-то там дать им... Я имею в виду, с точки зрения такого научного сотрудничества, да? Ты приезжаешь просто для обмена идеями, общения, выступлений на семинаре*».

Подобный механизм позволяет перейти от доминирующей пока в российском научном сообществе модели личного общения (сотрудничество построено через систему личных связей) к открытой возможности формирования контактов. <E>: «*Приехал ученый из другого университета, из другой страны. Это как бы "visiting scholar" на неделю. Рассказал, чем он занимается, пообщался с коллегами, пообменивались идеями, повыступали и разъехались. Может, из этого ничего не выйдет. Но так постепенно создаются отношения*». При этом важна готовность принимающей стороны к тому, что часть подобных визитов закончится ничем, но в совокупности они меняют атмосферу в университете.

Обеспечение условий работы для приглашенных исследователей – острая проблема, и некоторые респонденты полагают, что само создание рабочего пространства уже может быть стимулом для усиления интереса к работе в России.

<F>: «*Отобрать* [сдаваемые в аренду] *помещения Академии наук, поделить их, воткнуть интернет, поставить внутри батареи нагревательные и столы, и доски еще поставить. И дать бы все это людям, которые приезжали бы со всего мира: из Европы, из Америки для того, чтобы они приезжали и делали там исследования. Просто сидели бы хотя бы там, бесплатные кабинеты. Вот это было бы отличным мотиватором для многих людей, кто, например, изучает Россию, приезжать туда и проводить больше времени в России*».

<C>: Если формулировать задачу как привлечение ведущих исследователей, то надо понять, на каких условиях они согласились бы выбрать Россию как место своего пребывания, скажем, в течение года. «*Опять же, деньги могут решить многие вопросы. Конечно, они привыкли к хорошим условиям – их нельзя будет разместить в студенческом общежитии: это должна быть современная квартира с хорошей транспортной доступностью. Оплата труда*

должна быть сопоставимой с теми расценками, к которым они привыкли».

Приглашение сильных, но более доступных исследователей

Формирование новой исследовательской культуры – сложная задача, требующая особого внимании к кадрам, призванным обеспечить ее решение.

<B>: «*Было бы хорошо для российских студентов слушать Дж. Сакса в качестве преподавателя. Но в самом ли деле вам нужны суперзвезды? Я не уверен. Вам нужны хорошие преподаватели, и найти таких в США, Великобритании или Франции можно по вполне приемлемым расценкам. Более того, гонорар часто может быть предметом договоренностей и взаимных уступок между преподавателем и приглашающим университетом*».

<C> определяет задачу как необходимость привлечь состоявшихся ученых в Россию – это способствовало бы формированию исследовательских навыков у работающих с ними студентов: «*Огромный пул вышедших на пенсию исследователей – они остаются интеллектуально активными, но не имеют возможности преподавать в США, и с удовольствием ехали бы в другие страны! И они могли бы быть очень эффективными посредниками в налаживании профессионального диалога между страной своего пребывания и международным исследовательским сообществом. Они могли бы преподавать – то, что не хотят делать люди в начале или середине исследовательской карьеры*».

Использование правил международных университетов

Популярное среди многих американских вузов *создание* так называемых *внешних кампусов* может быть использовано и для укрепления позиций принимающего университета.

<E>: «*Какой еще у университетов может быть интерес? Вот они открывают свои "кампусы", допустим, по миру – не все могут независимый "кампус" открыть. Если российский университет готов выступить тут партнером, принять их студентов. А когда принимают их студентов, университеты посылают своих преподавателей – этим студентам преподавать, по крайней мере, часть курсов. Так можно будет эти курсы потом открыть и не только этим студентам из американского университета, но и местным, россиянам*».

Возможным вариантом приглашения зарубежных специалистов на преподавательскую работу может быть организация семестровых визитов, ориентированных на *неоплачиваемую часть регулярного исследовательского отпуска* (sabbatical).

<E>: «*Если тебе дается год sabbatical, полгода оплачивается, полгода – нет. И на ту вторую половину года многие ищут заработок... Я не думаю, что в России сейчас можно скомпенсировать половину. Но, допустим, в social science это вполне, это более реально. Мне кажется, по московским сейчас меркам. И тем более, если это какими-то фондами поддерживается, грантами*».

<C>: «*Саббатикал никто не захочет тратить на преподавание, поэтому важно привлекать внешние фонды для решения подобной задачи*». Внешние фонды смогут обеспечить конкурентное предложение, привлекательные условия.

Поддержка удаленного сотрудничества

Позиция между разными группами обладает рядом преимуществ – вот почему она представляется привлекательным вариантом для организации совместной работы.

<G>: «*Мне бы хотелось поддерживать контакты, может быть, писать статьи вместе – в таком плане сотрудничать с людьми. Но мне было бы интереснее, если бы я была в одном месте, а они были бы здесь*».

Развитие государственной программы поддержки российских исследований

Государство как регулятор разных аспектов общественной жизни остается важным в России, именно поэтому государственная поддержка программ международного сотрудничества способна обеспечить масштабные изменения сложившихся практик.

<F>: «*В России нет тех структур, например, в системе власти, которые бы целенаправленно работали над тем, чтобы создавать условия для потенциальной научной элиты в России оставаться в России, изучать Россию, изучать весь мир, но при этом делать все в России. ... Государство у нас никоим образом не ориентировано на то, чтобы создавать, привлекать, заниматься привлечением научных кадров с Запада на Восток, в Россию. ... Но без государственной поддержки в этом направлении сами вузы могут добиться гораздо меньшего, чем если бы в государстве был бы человек на высоком посту, который бы только этим очень мотивированно попытался бы заниматься. ... Сейчас в России индивидуальные вузы прилагают очень много усилий к тому, чтобы привлекать к себе выходцев из Советского Союза. Это очень хорошо, я считаю. Но если нет государственной политики, то это будет иметь ограниченный эффект*».

* * *

Предложенный экспертами набор вариантов организации сотрудничества открывает достаточный простор для российских вузов – многие из перечисленных мер могут быть относительно легко реализованы. Безусловно, наличие государственных программ поддержки сотрудничества с зарубежными коллегами способно вывести его на качественно новый уровень, так как позволило бы использовать больше инструментов, могло бы смягчить часть организационных трудностей – визовые и подобные вопросы, а также дало бы возможность диверсифицировать источники финансирования совместной работы.

Часть 3. Российская академическая диаспора и возможности сотрудничества с ней: данные опроса

Как уже было сказано выше, наряду с глубинными интервью для исследования российской диаспоры в области социальных и гуманитарных наук был использован и метод массового опроса. При этом важно было не только получить ответы на вопросы анкеты, но и создать информационную и аналитическую основу для работы с лучшими зарубежными специалистами из российской диаспоры, для

чего было необходимо сформировать базу контактов и получить представления о возможных масштабах и основных направлениях возможного сотрудничества.

Данный тип исследования не может оцениваться по признаку репрезентативности, так как мы изначально имеем дело с размытым определением генеральной совокупности. Исследовательская группа также изначально закладывала «системную ошибку» в дизайн исследования, предполагая, что не все, формально подпадающие под рабочее определение исследуемой совокупности, готовы к сотрудничеству, а потому откликнутся на присланный запрос.

С учетом использованных методов сбора данных и способов отбора респондентов, проведенное исследование может быть охарактеризовано как разведывательное: оно позволяет получить представление о неизвестном ранее объекте, но не позволяет проверить однозначные гипотезы, распространяемые на всю генеральную совокупность. В поисковом формате проведенная работа дает относительно развернутое описание фактически неизученного объекта, что позволяет предложить варианты объяснений, которые могут быть проверены в ходе последующих исследований.

Задача собрать данные, отражающие всю генеральную совокупность, в ситуации, когда границы совокупности определены условно, решалась в два этапа.

На первом этапе происходило формирование базы контактов. Было предусмотрено размещение на посещаемых Интернет-сайтах объявлений с обращением к российской и зарубежной научной общественности с просьбой присылать контакты по электронной почте. Одновременно проводился телефонный опрос профессорско-преподавательского состава ГУ ВШЭ и поиск контактов в он-лайн-базах и перечнях (профессиональные сообщества, университеты, списки защищенных диссертаций).

На следующем этапе проводился массовый опрос представителей российской диаспоры с использованием специально разработанной он-лайн-анкеты. Каждому респонденту направлялось электронное письмо с просьбой заполнить анкету. Одновременно происходило пополнение исходной базы контактов.

Сформированная в результате база контактов представителей российской научной диаспоры состоит из нескольких сотен (около 400) позиций. Среди основных географических областей, охваченных ис-

следованием, следует назвать страны Европейского союза, США, Канаду.

Разработанная анкета отражала следующие предположения:

- важно определить развитие академической карьеры респондентов, чтобы понять, на каком из ее этапов они более открыты к сотрудничеству;
- опыт работы в России, ее характер способны оказать влияние на способ интеграции респондента в международное академическое сообщество и его готовность участвовать в совместной работе с россиянами;
- отсутствие институционализированных практик организации сотрудничества между сообществами россиян за рубежом и в России открывает больше возможностей для поиска гибких / нестандартных форм решения подобной задачи.

Исходя из указанных предположений в анкету были включены вопросы о родном городе респондента, его первом университете, а также ряд вопросов о получении научной степени, карьере после завершения образования. Для выявления перспективных направлений сотрудничества с представителями российской научной диаспоры, респондентам было предложено отметить наиболее интересные для них формы сотрудничества. Параллельно замерялся уровень их текущей академической активности, мобильности, выявлялась включенность в социальные сети.

Первоначально планировалось, что во всех собранных анкетах будут присутствовать фамилия, имя и отчество респондента, его контактные данные и сведения о доходах. Однако на этапе реализации пилотного исследования стало очевидно, что необходимость предоставления этих данных заставила бы бóльшую часть респондентов отказаться от заполнения анкеты. Поэтому в итоговом варианте анкеты вопросы о доходах были сняты. Параллельно была добавлена возможность анонимного заполнения анкеты, без указания персональных данных.

Подавляющее большинство заполнивших анкету – это люди, так или иначе заинтересованные в сотрудничестве с российскими институтами и исследователями. Это не характеризует настроение в исследуемой общности. Просто необходимо учитывать эту особенность.

В конечном счете именно эта, ориентированная на сотрудничество часть диаспоры интересовала нас более всего.

Описание совокупности ответивших

Прежде чем посмотреть на профессиональные траектории ответивших на вопросы анкеты, кратко охарактеризуем совокупность ответивших.

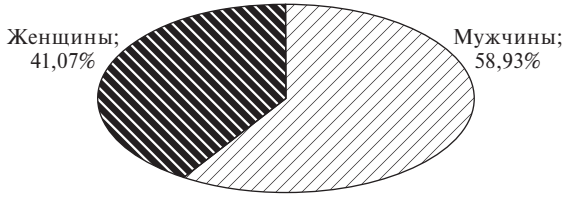

Рис. 3.1. Пол

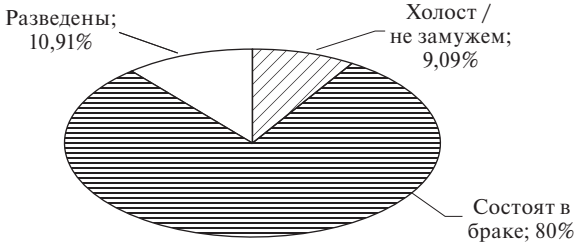

Рис. 3.2. Семейное положение

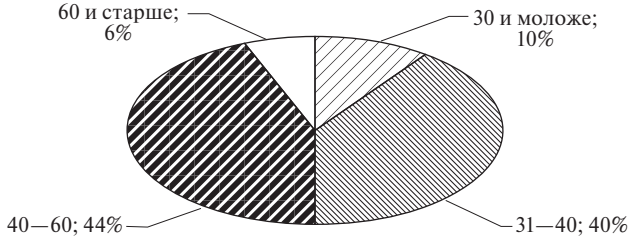

Рис. 3.3. Возраст

Среди респондентов 60% мужчин и 40% женщин. Лишь 20% из них не состоят в браке. Более 80% опрошенных перешли порог 30 лет, 6% относятся к старшему поколению, 10% – молодежь.

Более половины опрошенных сохраняют российское гражданство. К ним можно добавить еще 20% ответивших на вопросы анкеты, которые имеют гражданство стран бывшего СССР или двойное гражданство. Обладателей гражданства страны проживания среди опрошенных менее трети.

Около 45% опрошенных занимаются экономикой и эконометрикой. Подчеркнем еще раз, что исследование проводилось по случайной выборке, и эта структура может не соответствовать реальной профессиональной структуре диаспоры в области социоэкономических наук. В области общественных наук работают 13% опрошенных, немногим меньше – в областях исследования бизнеса, менеджмента, где работают 10% респондентов. Достаточно большое количество заполнивших анкету представляют гуманитарные науки. Десятая часть опрошенных – историки, несколько меньше политологов и психологов. Остальные дисциплины представлены менее чем 2% респондентов, поэтому они объединены в одну категорию – «Другое».

Большинство опрошенных занимают преподавательские должности. Лишь 10% в качестве основной занятости отметили исследовательскую работу.

Бóльшая часть опрошенных проживает в Канаде и США, примерно пятая часть респондентов постоянно находится в странах Европы.

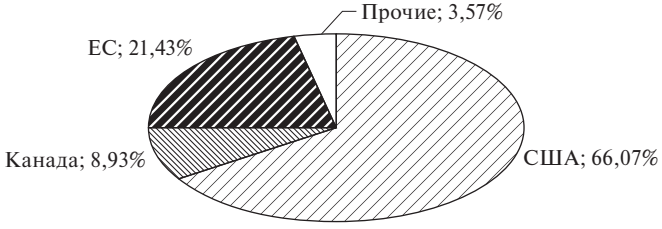

Рис. 3.4. Страна проживания

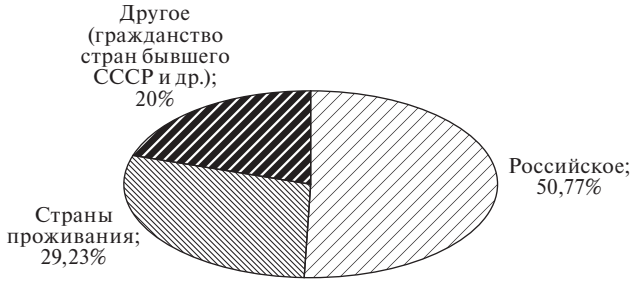

Рис. 3.5. Гражданство

* *Прочее*: философия, культурология, религиоведение, исследования в области высшего образования и пр.

Рис. 3.6. Профессиональная сфера

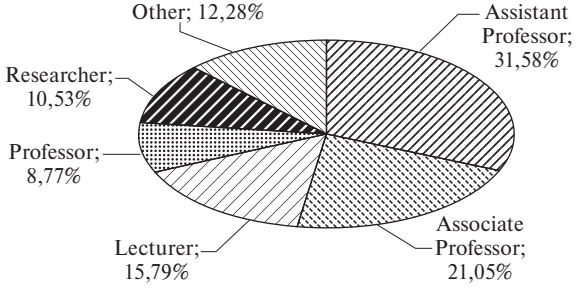

Рис. 3.7. Должность

Значительная часть представителей диаспоры находится на начальной стадии своей научной карьеры, занимая низшие ступени в академической иерархии: на категории assistant professor, lecturer и researcher пришлось около 58% опрошенных. В то же время к категории associate professor относится 21% опрошенных, к категории professor – почти 8%. Таким образом, около трети респондентов относятся к категории состоявшихся и сделавших успешную карьеру ученых. Встроенность большинства респондентов в международную академическую систему может быть весьма ценным ресурсом для модернизации отечественного высшего образования.

Профессиональные стратегии

Анализ профессиональных стратегий резонно начинать с изучения списков учебных заведений, в которых проходили обучение ответившие на вопросы анкеты.

Место получения первого образования (отсортировано по алфавиту, повторы удалены)	Место получения последнего образования (степени) (отсортировано по алфавиту, повторы удалены)
Auburn University	Auburn University
Barnaul State Pedagogical University	Cambridge University
Belarusian State Polytechnic Academy	Center for Economic Research and Graduate Education (CERGE-EI), Prague, Czech Republic
De Montfort University	Central European University, Budapest, Hungary
Kiev State University	CORIPE, University of Turin, Italy
Donetsk Academy of Management	De Montfort University, Leicester
Hanover College	Duke University, USA
Higher School of Economics	Eastern Michigan University, Ypsilanti, USA
Indiana University, Bloomington	EERC, Kiev
International University, Moscow	George Mason University
Kharkov University	GWU
Kyiv Institute of National Economy	Harvard University, Massachusetts
Leningrad Institute of Electrical Engineering (LETI)	Higher School of Economics, Moscow
Moscow Institute of Physics and Technology	Institute of Philosophy RAN
Moscow Pedagogical State University	Leningrad State University
Moscow State Technical University	Moscow Institute of Physics and Technology
Moscow State University	Moscow Musical Academy
Nizhniy Novgorod State Agricultural Academy	Moscow State Institute of Foreign Languages
Novosibirsk State University	Moscow State Technical University
Odessa, Ukraine	Moscow State University
Rostov State University	New Economic School, Moscow, Russia
Rostov-on-the Don University	Novosibirsk State University
St. John's College, Annapolis, Maryland	Southern Methodist University, Dallas, USA
St. Petersburg Polytechnical University	St. Petersburg State University
St. Petersburg State University	St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary
St. Petersburg State University of Technology and Design	the Hebrew University, Jerusalem
Stanford University	The University of Toledo, OH, USA
Tartu University	Tufts University, Fletcher School of Law and Diplomacy, Massachusetts, USA
Tashkent University	University of California at Berkeley
Tula Polytechnic Institute	University of Colorado, Boulder, Bowling Green State University
University of California at Berkeley	University of Illinois, Urbana-Champaign, USA
University of Oklahoma	University of Nottingham (UK)
Ural State University	Urals State University
Urals' Politechnical Institute	
Urals State University	
Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia	
Yale University	
Yaroslavl State University, Yaroslavl Russia	
Yerevan, Armenia	

В приведенных списках обращают на себя внимание несколько особенностей. Во-первых, значительное количество нестоличных вузов, в которых респонденты получали первое образование. Ряд вузов из городов Центральной России и республик бывшего СССР стали своеобразным трамплином для переезда за границу. В списке мест последнего образования эти вузы уже не фигурируют, их сменили известные московские, петербуржские и сибирские университеты с именем и международными связями. Здесь любопытен другой факт – в ряде случаев образования ведущих российских вузов оказывается вполне достаточно, чтобы получить академическую должность в Европе или США.

Таким образом, можно представить общий характер образовательных траекторий, позволивших респондентам найти себя на профессиональном поприще за рубежом. Провинциальные вузы выступают в качестве отправной, начальной точки, затем следует московский или петербуржский вуз, а следом – продолжение образования или работа за рубежом. Естественно, легко представить себе и исключения, когда, например, «столичного» этапа не существует, и происходит прямой переход из российского регионального вуза к обучению в зарубежном вузе.

Большинство ответивших сознательно выбрали получение степени как элемент своей профессиональной стратегии:

- свыше 60% имели полную финансовую поддержку в процессе обучения;
- если в начале обучения (между получением бакалаврской и магистерской степеней) почти половина респондентов работала, то между магистратурой и началом обучения на программах PhD свыше 70% не работали; это позволяет считать, что направление своей карьеры они для себя к этому моменту уже определили.

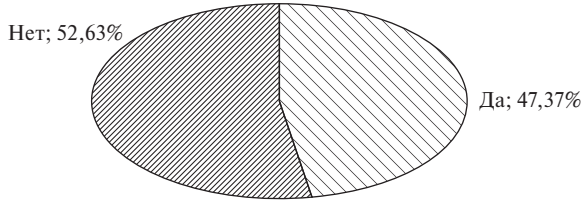

Рис. 3.8. Работали ли Вы между получением бакалаврской и магистерской степеней?

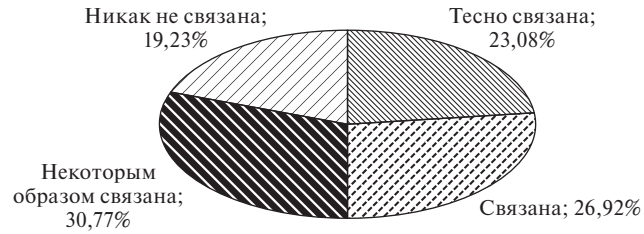

Рис. 3.9. Была ли связана Ваша работа между получением бакалаврской и магистерской степеней с областью Ваших исследований?

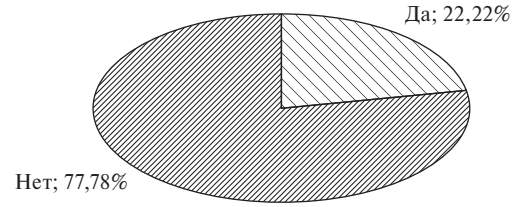

Рис. 3.10. Работали ли Вы между получением магистерской и докторской степеней?

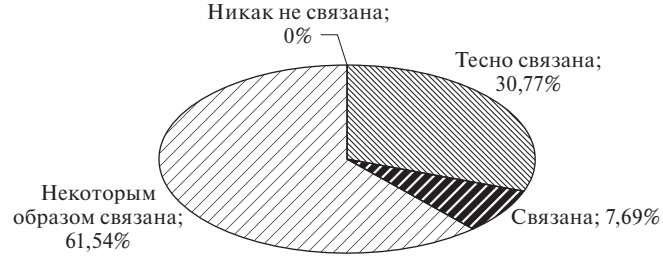

Рис. 3.11. Была ли связана Ваша работа между получением магистерской и докторской степеней с областью Ваших исследований?

Позиция postdoc среди респондентов оказалась не особенно популярной – почти 80% не воспользовались этой возможностью строить академическую карьеру.

Большинство ответивших интегрированы в академическое сообщество своей страны: 90% работают в университетах, свыше 70% заняты на постоянных позициях (почти 40%) или приближенных к таковым (еще 40%).

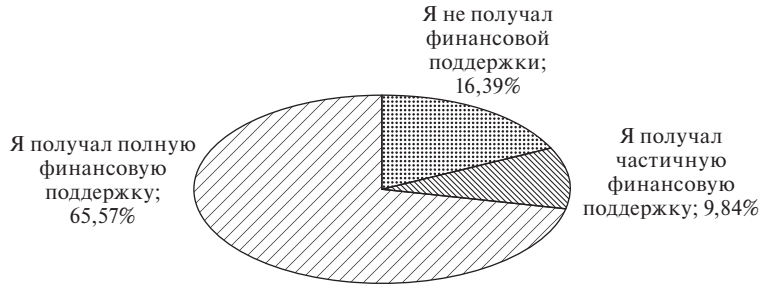

Рис. 3.12. Имели ли Вы финансовую поддержку в процессе написания диссертации(PhD)?

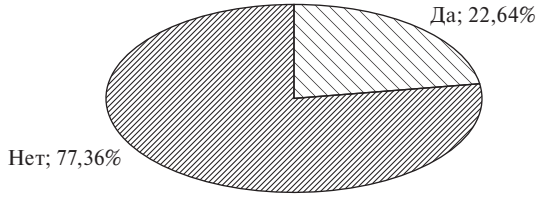

Рис. 3.13. Заняли ли Вы позицию postdoc после получения степени?

Как интегрированные в международное сообщество специалисты половина опрошенных в последние пять лет была вовлечена в работу за пределами своей страны проживания. Наиболее популярные виды занятости: исследовательская работа (почти 40%), преподавание (почти 30%) и консультирование (свыше 10%).

Таким образом, мы можем говорить о том, что ответившие на вопросы анкеты в большинстве своем – классические ученые, выбравшие данное направление деятельности как наиболее привлекательное и интересное для себя, они находят разнообразные формы использования своих знаний и навыков и стремятся обеспечить наиболее стабильные и привлекательные варианты занятости, то есть выстраивают полностью рациональные карьерные стратегии с учетом особенностей выбранного сообщества.

В анкету была заложена возможность проверки гипотезы о распространенности разных типов связей с Россией у разных категорий представителей диаспоры. Предполагалось, что связи могут как отсутствовать вовсе, так и варьироваться от общеэмоциональных – друзья, родственники, привязанности – до интенсивно-профессиональных, в которых работа за рубежом в определенной степени зависит от работы в России. Последняя модель предположительно чаще распространена среди тех, кто работает в сфере естественных наук или математики, однако может быть представлена и в других профессиональных сообществах.

Более 80% опрошенных имеют в стране происхождения родственников и друзей. Половина респондентов сохраняет контакты с коллегами.

За последние два года лишь 16% опрошенных ни разу не посещали страну происхождения, при том что пятая часть заполнивших анкету совершила одну поездку, а 60% совершили две и более поездки. 2% ответивших заявили, что не хотят иметь никаких отношений с представителями страны происхождения. Четверть респондентов не имеют постоянных контактов в родной стране, но не исключают для себя возможности приобрести их.

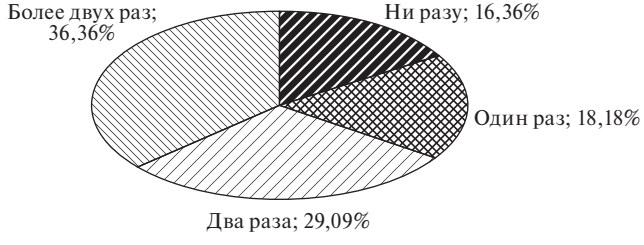

Рис. 3.14. Как часто Вы посещали страну происхождения за последние 2 года?

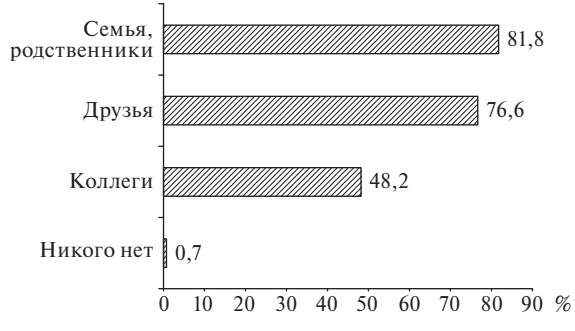

Рис. 3.15. Есть ли у Вас связи в стране происхождения? (возможны несколько вариантов ответа)

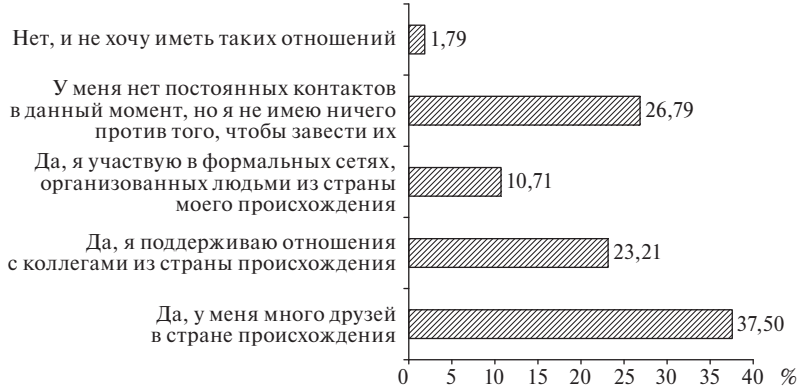

Рис. 3.16. Участвуете ли Вы в каких-либо неформальных или формальных социальных сетях с людьми из Вашей страны происхождения?

Возможности и препятствия для сотрудничества

Опрошенные нами представители диаспоры в целом достаточно критически относятся к состоянию российской науки и высшего образования, но одновременно говорят о наличии у них личных контактов в российской научной среде, определенного опыта сотрудничества с российскими вузами: 58% из них участвовали на протяжении последних пяти лет в совместных проектах с российскими коллегами. Говорят представители диаспоры (несмотря на негативный опыт) и о готовности к продолжению сотрудничества. Вместе с тем основной вывод, который можно сделать на основании собранных в ходе данного исследования материалов, состоит в том, что, несмотря на существенные различия, значительная часть российской научной диаспоры за рубежом в общем и целом готова к сотрудничеству с российскими вузами, и даже заинтересована в нем.

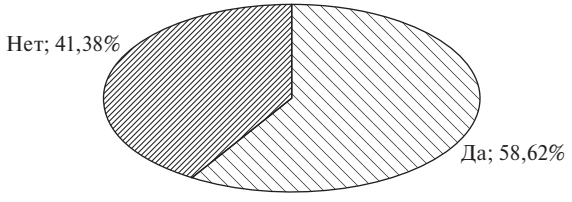

Рис. 3.17. Сотрудничали ли Вы с коллегами из России в течение последних 5 лет?

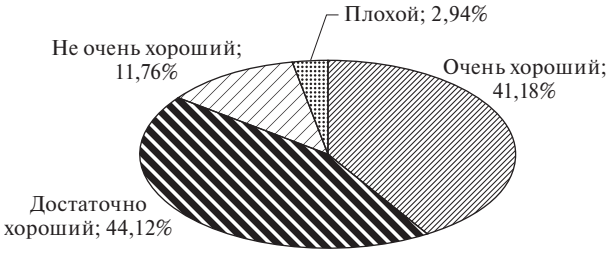

Рис. 3.18. Опыт моего сотрудничества с российскими коллегами могу охарактеризовать как

Это не означает, однако, что они готовы приехать в Россию на постоянную работу: около 40% респондентов не намерены возвращаться в Россию, даже если им предложат позицию с оплатой труда, адекватной их потребностям.

Исследуемая группа достаточно мобильна. Так, на вопрос «Согласились бы Вы переехать в другую страну, если бы там Вам предложили преподавательскую позицию?» более 90% опрошенных отвечают утвердительно. При этом оценки перспектив переезда в Россию более осторожны.

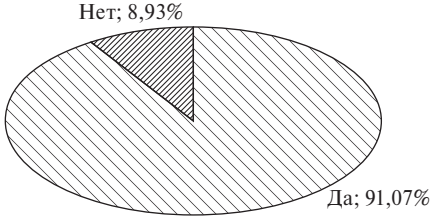

Рис. 3.19. Согласились бы Вы переехать в другую страну, если бы там Вам предложили преподавательскую позицию?

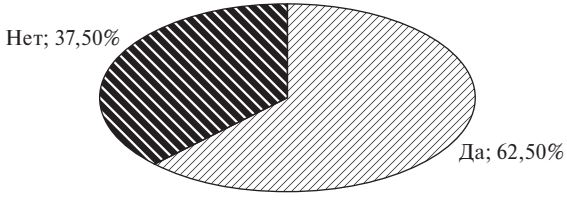

Рис. 3.20. Согласились бы Вы переехать в Россию, если бы Вам предложили там преподавательскую позицию?

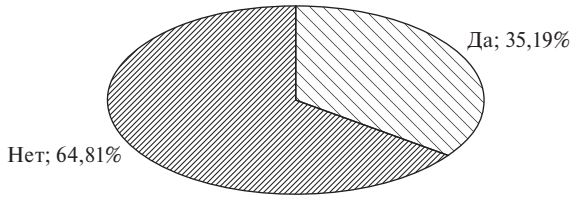

Рис. 3.21. Зависит ли Ваше возможное решение о переезде в Россию и работе там от получения значительной прибавки к Вашему доходу?

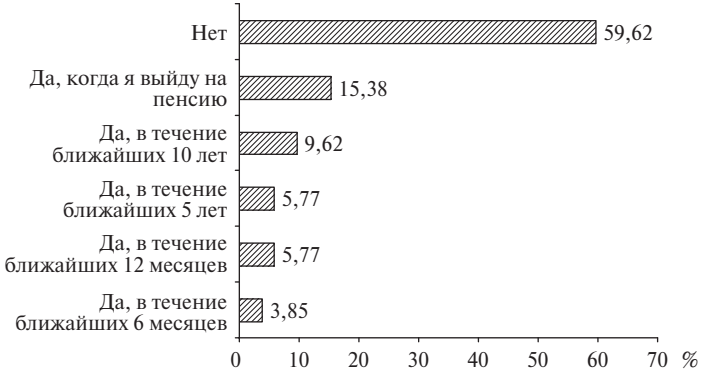

Рис. 3.22. Планируете ли Вы вернуться в страну происхождения?

Существует ряд причин, останавливающих представителей диаспоры при рассмотрении возможностей переезда в Россию. Можно выделить несколько основных препятствий: финансовые условия; вопросы, связанные с неблагоприятной средой для проживания в России в целом (включая бытовые условия); отторжение со стороны российских коллег. При этом среди факторов, влияющих на решение перебраться в Россию, респонденты чаще всего упоминали неудобную жилую среду (54% ответивших) и недостаток средств для исследований (51%).

По результатам опроса и интервью можно сделать вывод, что оплата труда во многих случаях не является определяющей при принятии решения о переезде или краткосрочном сотрудничестве. Как представляется, ключевым фактором является реальное или кажущееся отторжение со стороны российской академической среды: именно оно в наибольшей степени мешает, по мнению представителей диаспоры, краткосрочным научным контактам.

Прочее (указано респондентами): семейные причины, политический климат, отсутствие демократии, ксенофобия, низкий уровень зарплат, более дорогая жизнь в Москве и Петербурге по сравнению с городами на Западе

Рис. 3.23. Какие факторы могут повлиять на Ваше решение отказаться от поездки в Россию при условии, что там Вам предложена преподавательская работа?

Как уже упоминалось, подавляющее большинство опрошенных – это люди, которых интересует сотрудничество с российскими институтами и исследователями. 60% респондентов уже имели опыт сотрудничества с коллегами из страны происхождения в течение последних пяти лет. При этом более 80% из них остались довольны сотрудничеством и лишь 3% отмечают, что сотрудничество было неудачным.

Несмотря на то что привлечение российских ученых из-за рубежа на постоянную работу на родине представляется весьма трудным (хотя и не невозможным), участие в совместных исследовательских проектах, написание совместных статей, краткосрочные преподаватель-

ские и исследовательские визиты и просто научные контакты вызывают у них большой интерес.

Рис. 3.24. Что Вам нравится в Вашей основной работе? (возможно несколько вариантов ответа)

Как видно из рис. 3.24, подавляющее число ответивших ставят во главу угла возможности самореализации, которые могут появиться в том числе и при работе с российскими исследовательскими институтами и коллективами.

Наиболее привлекательными областями для взаимодействия с российскими учеными представители российской диаспоры называют подготовку совместных исследований. Также большинство из них готово сотрудничать в области образования (чтение лекций в российских вузах). Чуть меньше 50% опрошенных заинтересованы в организации и проведении совместных конференций.

Готовые к сотрудничеству представители российской диаспоры ориентированы на институты, расположенные в основном в Центральной России. Речь в первую очередь идет о столичных вузах, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге. Вот несколько примеров ответов на вопрос о том, какие институты могут рассматриваться в качестве гипотетически возможного места работы при условии адекватной оплаты труда:

- Any privately sponsored and independent institution of higher learning in the two capitals

- St. Peterburg University, Moscow University, RGGU
- Any institution in Voronezh, Moscow, St. Petersburg, or any other city in central Russia (in that order of preference)
- New Economics School and CEFIR
- Smolny College and St. Petersburg State University
- NES, Moscow State U, HSE, NSU, SPb S U, Skolkovo
- MGU, MGIMO, European University
- Moscow City Psychological and Pedagogical University
- Ural State University

Рис. 3.25. Какие формы сотрудничества могли бы быть Вам интересны? (возможны несколько вариантов ответа)

Итак, мы видим, что дефицит финансирования научных инициатив, казавшийся основной причиной невозможности плодотворного сотрудничества российских ученых и их коллег, оказавшихся за рубежом, в реальности отступает на второй план. Основной проблемой, препятствием к сотрудничеству в глазах представителей диаспоры становится информационная непрозрачность, замкнутость российской академической среды. Отметим, что в ряде случаев эта

среда оказывается не готова и отчасти не приспособлена к активному сотрудничеству, что в итоге способно вылиться в открытое сопротивление и неприятие вернувшихся из-за рубежа.

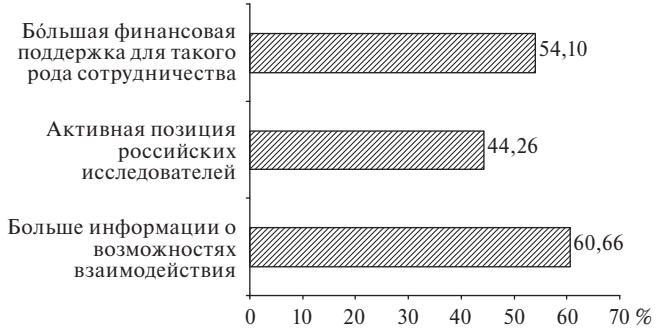

Рис. 3.26. Что Вам необходимо для того, чтобы более активно взаимодействовать с российскими исследователями? (возможны несколько вариантов ответа)

Заключение

Целью данного исследования было представить первый набросок портрета российской академической диаспоры в области общественных наук и попытаться понять, в какой степени диаспора может стать ресурсом развития высшего образования и науки в России, и что необходимо сделать для того, чтобы привлечь ее к сотрудничеству. Учитывая неразработанность данного поля, мы могли предложить лишь самые первые подходы к ответам на эти вопросы.

Проведенное исследование позволило выявить несколько основных категорий представителей научной диаспоры, которые, вероятно, прослеживаются не только в области общественных наук, но и в остальных дисциплинах в целом: это потомки эмигрантов из России; ученые, профессионально сформировавшиеся еще в советское время; и «новое поколение» научной диаспоры – молодые специалисты, закончившие аспирантуру за рубежом. Подавляющее большинство представителей диаспоры (что, впрочем, вполне естественно) находятся на начальной стадии своей научной карьеры, занимая низшие ступени в академической иерархии: на категории assistant professor,

lecturer и researcher пришлось около 58% опрошенных. В то же время к категории associate professor относится 21% опрошенных, категории professor – почти 8%. Таким образом, около трети респондентов относятся к категории научно состоявшихся и сделавших успешную карьеру ученых. Встроенность большинства респондентов в международную академическую систему может быть весьма ценным ресурсом для модернизации отечественного высшего образования.

Опрошенные нами представители диаспоры в целом достаточно критически относятся к состоянию российской науки и высшего образования, но одновременно говорят о наличии у них личных контактов в российской научной среде, определенного опыта сотрудничества с российскими вузами: 58% из них участвовали на протяжении последних пяти лет в совместных проектах с российскими коллегами. Говорят представители диаспоры (несмотря на зачастую негативный опыт) и о готовности к продолжению сотрудничества. Вместе с тем основной вывод, который можно сделать на основании собранных в ходе данного исследования материалов, состоит в том, что, несмотря на существенные различия, представители всех категорий российской научной диаспоры за рубежом в общем и целом готовы к сотрудничеству с российскими вузами, и даже заинтересованы в нем.

Это не означает, однако, что они готовы приехать в Россию на постоянную работу: около 40% респондентов не намерены возвращаться в Россию, даже если им предложат позицию с оплатой труда, адекватной их потребностям. С другой стороны, хотя привлечение российских ученых из-за рубежа на постоянную работу на родине представляется весьма трудным (хотя и не невозможным), участие в совместных исследовательских проектах, написание совместных статей, краткосрочные преподавательские и исследовательские визиты и просто научные контакты вызывают у них большой интерес.

Можно выделить несколько называемых ими основных препятствий для такого сотрудничества: финансовые условия; вопросы, связанные с неблагоприятной средой для проживания в России в целом (включая бытовые условия); отторжение со стороны российских коллег. При этом, согласно результатам опроса, оплата труда не является определяющей для большинства при принятии решения о переезде или краткосрочном сотрудничестве. Как представляется, ключевым фактором выступает именно реальное или кажущееся оттор-

жение со стороны российской академической среды: именно оно, например, в наибольшей степени мешает, по мнению представителей диаспоры, краткосрочным научным контактам, когда представители диаспоры готовы в максимальной степени пренебречь финансовыми и бытовыми препятствиями.

В изложении представителей диаспоры это отторжение складывается из двух элементов. С одной стороны, их российские коллеги демонстрируют отсутствие интереса к сотрудничеству в принципе, что отражает или их низкие профессиональные качества – сюда относятся и низкая квалификация, и ориентация не на проведение научных исследований, и общая пассивность, отсутствие интереса и стимулов к исследовательской работе и улучшению качества учебных программ в своих вузах. С другой стороны, даже при наличии такого интереса не умеют выстроить его так, как это принято в западной научной среде – не проявляют инициативы, не пунктуально отвечают на письма, стремятся к ненужной институциализации сотрудничества.

Без проведения дальнейших исследований не ясно, в какой степени здесь речь идет именно об отторжении, а в какой – о различии культурных кодов, когда нормальное, с точки зрения российских ученых, поведение воспринимается представителями диаспоры как проявление недостаточного интереса. Тем не менее ясно, что ключевая проблема сегодня заключается не столько в выявлении представителей диаспоры, информировании их о существующих и ожидаемых возможностях для сотрудничества, стимулировании к такому сотрудничеству, а в преодолении культурных, институциональных и иных барьеров для такого сотрудничества на уровне российских вузов. Таким образом, говоря об использовании диаспоры в качестве ресурса для модернизации отечественного высшего образования и науки, следует направлять усилия не только (возможно, и не столько) на работу с самой диаспорой, но и на создание необходимых условий для сотрудничества с представителями диаспоры на уровне самих российских вузов.

Литература

1. Aghion Ph., Howitt P. (1998) Endogenous Growth Theory. Cambridge, MA: MIT Press.
2. Aghion Ph., Howitt P. (2005) Appropriate growth policy: a unifying framework / The 2005 Joseph Schumpeter lecture delivered to the 20th Annual meeting of the European Economic Association.
3. Lowell B.L. Policy Responses to the International Mobility of Skilled Labour. International Labour Office, Geneva, International Migration Branch. International Migration Paper 45.
4. Barré R., Hernandez V., Meyer J-B., Vinck D. (eds.). Scientific Diasporas, IRD, Paris, 2003.
5. Becker G. (1964) Human Capital. N. Y.: Columbia U. Press.
6. Beine M., Docquier F., Rapoport H. (2001) Brain drain and economic growth: theory and evidence // Journal of Development Economics. Vol. 64, 1. P. 275–289.
7. Bhagwati J. (ed.) (1976) The Brain Drain and taxation II Theory and empirical analysis. Amsterdam: North Holland.
8. Bhagwati J. N., Rodriguez D. (1975) Welfare-Theoretical Analyses of the Brain Drain, Journal of development Economics, 2 1961–221.
9. Biao X. Promoting Knowledge Exchange through Diaspora Networks (The Case of People's Republic of China) / A report written for the Asian Development Bank. ESRC Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS), University of Oxford, 2005.
10. Brzezinski M. (1994) Migration and opportunities: A qualitative understanding of the Chinese student brain drain phenomenon // NAFSA Working Paper, No. 41. Washington, D. C.: NAFSA, 1994.
11. Cao C., Richard P. Suttmeier (2001) China's New Scientific Elite: Distinguished Young Scientists, the Research Environment and Hopes for Chinese Science // The China Quarterly. No. 168. 2001 (December). P. 960–984.
12. Chang P., Deng Z. (1992) The Chinese brain drain and policy options // Studies in Comparative International Development. 27 (1). 1992 (Spring). P. 44–60.
13. Fallon D. (2008) Germany's Excellence Initiative // International Higher Education. No. 52.
14. Guth J. (2007) Triggering Skilled Migration: Factors Influencing the Mobility of Early Career Scientists to Germany // Focus Migration Policy Brief 6 (2007).

15. Jayaram N. Beyond Retailing Knowledge: Prospects of Research-Oriented Universities in India // Transforming Research Universities in Asia and Latin America / P.G. Altbach, J. Balán (eds.). World Class Worldwide, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007.

16. Johnson, Regets (1998) International mobility of scientists and engineers to the US – brain drain or brain circulation? // NSF Issue Brief 98–316.

17. Johnson B., Sedaca S. (2004) Diasporas, Émigrés and Development: Economic Linkages and Programmatic Responses // Study conducted under the Trade Enhancement Service Sector (TESS) Project under Contract for the U.S. Agency for International Development, Washington, D.C.: Carana Corporation, 2004 (January).

18. Khadria B. Case Study of the Indian Scientific Diasporas, chapter 9 in Paris.

19. Krueger A.B., Lindahl M. (2001) Education for growth: Why and for whom? // Journal of Economic Literature 39. No. 4 (December). P. 1101–1136.

20. Kuznetsov Ye. (ed.) (2006) Diaspora Networks and the International Migration of Skills. The World Bank, Washington, DC.

21. Liu, Nian Ca (2007) Research Universities in China: Differentiation, Classification, and Future World-Class-Status // Transforming Research Universities in Asia and Latin America / P.G. Altbach, J. Balán (eds.). World Class Worldwide, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007.

22. Ma, Wanhua (2007) The Flagship University and China's Economic Reform // Transforming Research Universities in Asia and Latin America / P.G. Altbach, J. Balán (eds.). World Class Worldwide, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007.

23. MacRae M., Wight M. A (2006) Model Diaspora Network: The Origin and Evolution of Globalscot // Kuznetsov E. (ed.). Diaspora Networks and the International Migration of Skills, 2006.

24. Marginson S., Wende van der M. (2007) Globalization and Higher Education // OECD Education Working Papers. No. 8.

25. Meyer J-B., Brown Mercy (1999). Scientific diasporas: a new approach to the brain drain // Management of social transformations – MOST, Discussion Paper No. 41. Prepared for the Conference on Science, UNESCO – ICSU.

26. Meyer J.-B., Mercy Brown. Scientific Diasporas: A New Approach to the Brain Drain // Management of Social Transformations – MOST, Discussion Paper No. 41, Prepared for the World Conference on Science , UNESCO – ICSU, Budapest, Hungary, 26 June –1 July 1999.

27. Mincer J. (1974) Schooling, Earnings, and Experience. N. Y.: Columbia U. Press;

28. Mountford A. (1997) Can a brain drain be good for growth in the source economy? // Journal of Development Economics. Vol. 53 (2). P. 287–303.

29. Musselin Ch. (2000) European Academic Labor Markets in Transition // Higher Education. No. 49. P. 135–154.

30. Portes A. (1976) Determinants of the Brain Drain // The Politics of the Return: International Return Migration in Europe / Kubat D. (ed). Centre for Migration Studies New York. P. 269–275.

31. Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora, Indian Council of World Affairs, New Delhi, 2001.

32. Saint-Paul, Gilles (2004) The Brain Drain: Some Evidence from European Expatriates in the United States // IZA discussion paper No. 1310.

33. Saxenian A. From Brain Drain to Brain Circulation: Transnational Communities and Regional Upgrading in India and China // Studies in Comparative International Development. Vol. 40. 2005 (Summer). P. 35–61.

34. Seguin B., Singer A., Daar A. SCIENCE COMMUNITY: Scientific Diasporas. 2006. Science 312\5780.

35. Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. (1997) A brain gain with a brain drain // Economics Letters. Vo. 55, 2. P. 227–234.

36. Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. (1998) Human capita formation, human capital depletion, and migration: a blessing or a "curse"? // Economics Letters. Vol. 60. 3. P. 1291–1309.

37. Stephan P., Levin S. Exceptional Contributions to US Science by Foreign Born and Foreign Educated // Population Research and Policy Review. 20(1–2) April 2001; 2006 Doctorate Recipients from United States Universities: Summary Report, NORC, University of Chicago, 2008.

38. Transnational capital: valuing academic returnees in a globalizing China // C. Li (ed.) Bridging Minds Across the Pacific: US – China Educational Exchanges, 1978–2003, Lexington, MA: Lexington Books. P. 111–132.

39. Tritah A. (2008) The Brain Drain Between Knowledge Based Economies: The European Human Capital Outflow to the US, CEPII Working Paper No. 2008-08.

40. Zweig D., Chung Siu Fung (2006) Redefining the Brain Drain: China's "Diaspora Option", Center on China's Transnational Relations, Working Paper No. 1, The Hong Kong University of Science and Technology, 2006.

Препринт WP1/2010/01
Серия WP1
«Институциональные проблемы
российской экономики»

Попов Д., Творогова С., Федюкин И., Фрумин И.

Рука об руку или порознь?
Возможности сотрудничества
с российской академической диаспорой
в сфере социально-экономических наук

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета.

Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,95
Усл. печ. л. 3,95. Заказ № . Изд. № 1151

Государственный университет – Высшая школа экономики. 125319,
Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73